

... И он пришёл сказать,
Что надо сеять очи,
Что должен сеятель очей идти.
Велимир Хлебников

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Андрей РУБЛЁВ – молодой человек, сотрудник Главархива, избранный наследник престола Срединного царства.

Григорий РАСПУТИН, он же Император Григорий I – первый глава Срединного царства.

Георгий ГАЛЯНДАЕВ – юрист, опекун Андрея Рублёва.

Вадим БЕРГ – друг Андрея Рублёва, дипломат.

Майя БЕРГ – сестра Вадима, молодая, но многообещающая дрянь.

Глеб ЛЯМЗИКОВ – друг Андрея, поэт.

Валерия КАЗАРСКАЯ – подруга Андрея, ведьма.

Ольга ЛЕВИАФАНИ – подруга Андрея, фея.

Тимофей и Надежда РУБЛЁВЫ – родители Андрея, обитатели дома дожития.

Александр Люцианович ДОМОСТРОЙ – глава Комитета по престолонаследию Срединного царства.

Иван Фёдорович СКОРИНО – художник-косторез, маг.

Иван МАНГОЛЬД, Пётр РУСЛАН, Лев МИНУС – судьи из Ареопага Срединного Царства.

Алексей ФЕРЗЬ – охранник камеры Андрея в Хрустальном дворце.

Пётр ПИКУС – первый палач Хрустального дворца.

Саша ВОЛЬТ – ученик ШПОРа (Школы Политического Резерва).

САРТОРИУС – механический попугай, министр императорского двора.

ЭМПЕДОКЛ-М-2021 – механический тигр, домработник в императорском дворце.

Баба СИБИРЬ – лицо без определённого места жительства.

ГОЛЬДМУНД – теневой правитель Атлантической империи. Демон в образе ребёнка. Сначала – мальчик, потом – девочка.

МЕЙСТЕР ГЕЙНРИХ – глава войска магов Атлантической империи, инвалид.

ЭРИС – жрица-гетера, глава войска амазонок Атлантической империи.

ОХ – клоун, глава войска шутов Атлантической империи.

ЛЮЦИЙ – последний англ, живущий в Атлантической империи. Бывший воин.

БОЯН – говорящая голова.

АНГЛЫ – кочевое племя, промышляющее гаданием и попрошайничеством. Потомки некогда могущественного народа, населявшего Атлантические острова.

Видения, ангелы, демоны, духи и т.д.

УВЕРТЮРА К РОМАНУ

«Острожская правда»,
г. Острог, Срединная империя,
11 сентября 2025 г.

«Анонимный правитель Германского Второго рейха на днях подписал указ об учреждении трансатлантического союза германоязычных государств. Указ был опубликован в правительственных газетах, но ни одного изображения Императора в них, как обычно, не было. Конечно, правительство Западной империи могло бы и не церемониться с туземцами, т.к. после подписания Каирского договора с нашим Государем ему фактически принадлежат все немецкоязычные территории по побережью Атлантики – с обеих сторон, и правящие лица могли бы руководить колониями и без соблюдения демократических формальностей. Гораздо более значимым вопросом для кайзера было бы поменять форму правления в рейхе с тем, чтобы имена правящих государством лиц стали бы хоть кому-нибудь в мире известны. Германцы недовольны режимом, при котором государем их державы может оказаться кто угодно, от купца до нищего, и, разговаривая с попрошайкой на улице, ты не уверен, что перед тобой – не император Атлантики».

«Дамасский вестник»,
г. Дамаск, Сирийский протекторат,
12 сентября 2025 г.

«Радостное событие для всех патриотов нашего Отечества совершилось сегодня. 12 сентября, в три часа дня, главком ВВС генерал-майор В.Ф.Чугарин торжественно рапортовал Патриарху и Государю Московскому и Острожскому Григорию X, что война в Сирии победоносно закончена! Русская авиация после праздничного парада покинула страну, в которой за три месяца при её участии войсками было успешно подавлено вооруженное восстание исламистов. Надеемся, что отныне границы нашей империи – от Иерусалима до Калифорнии – будут почитаться незыблемо».

«Новости науки»,
издание вольного города Царьграда,
13 сентября 2025 г.

«Царьградский Вселенский совет принял постановление о квотировании солнечного света и тепла для населения регионов мира. В связи с истощением ресурсов Солнца для всего земного шара установлена длина светового дня в 100 часов плюс-минус тридцать минут. Температура на нашей планете, вне зависимости от расположения региона, отныне и впредь будет искусственно поддерживаться на уровне 10 градусов по Цельсию. В этом случае тепловых ресурсов солнца хватит человечеству ещё как минимум на триста лет. Если, разумеется, пиратские космические станции не приступят к воровству солнечной энергии в особо крупных количествах».

«Рабочий путь»,
г. Санкт-Петербург, Калифорния, Срединная империя,
14 сентября 2025 г.

«По сообщениям учёных, населению Земли в течение ближайших тридцати лет грозит дефицит пищи. Это связано с истощением ресурсов мха – основного источника питания для большей части человечества».

«Московский послушник»,
г. Москва, Срединная империя,
15 сентября 2025 г.

«Вовсю идут приготовления к празднованию 100-летия правления династии Распутиных в России. Когда в 1925 году патриарх Московский Григорий I принял власть из рук умирающего Императора Алексея II, никто не мог предположить, что теократическая форма правления сохранится в богоспасаемом Отечестве нашем на столь долгое время. Ныне, когда нашу империю уже тридцать лет возглавляет патриарх Московский и великий государь Острожский Григорий X, в прочности теократического строя ни у кого в мире не остаётся сомнений».

Главной проблемой является отсутствие у нынешнего Государя наследника: Государь как духовное лицо не имеет права вступать в брак, а передать власть племяннику либо другому непрямому наследнику, как это делалось последние сто лет, невозможно по причине отсутствия у Его Величества таковых: оскудел род Распутиных!... Посему остаётся надеяться только на то, что провидение Божие пошлёт нам человека, способного принять власть из рук Государя так, как это произошло сто лет тому назад».

ЧАСТЬ 1.

ВЕЛИКИЙ ЭКСПЕРИМЕНТ

Всё возможно и вероятно. Времени и пространства не существует; цепляясь за крохотную основу реальности, воображение прядёт пряжу и ткёт свой узор.

Стриндберг. Игра снов

ЧЕЛОВЕК И ЕГО ИМПЕРИЯ

(из записок Андрея Рублёва)

Он лежал передо мной на столе. Мои руки боялись к нему прикоснуться, мне было трудно дышать. Маленький ящичек, не больше спичечного коробка, – но без него весь этот мир не стоит ровным счётом ничего. Без него не будут работать машины, не будет расти мох, более того – не смогут дышать люди... Это сокровище, главный резерв планеты, Живое Золото, – в моих руках. Оно принадлежит мне. Оно в моём распоряжении... Да. Жизнь – удалась!

Говорливый Галяндаев извивался арлекином. Низенький, юркий, желтоволосый юрист посвящал меня в курс дел, касающихся моего наследства, рассыпаясь в комплиментах, скорее похожих на издевательства. Он был великим льстецом, даже скрип его шагов по полу казался издевательски-льстивым.

Разговаривая, Галяндаев постоянно двигал скулами, пережёвывая моховую жвачку – вид пищи, предназначенный Государственными Кондичиями для людей его социальной страты. Кривляясь, морщась и активно жестикулируя, он произносил свою заранее подготовленную речь.

Я сидел перед ним за столиком, аккуратно, как школьник, сложив руки перед собой. Бежевая шляпа с изогнутыми полями – мой любимый головной убор – лежала рядом, на столе, похожая на зверька, переживающего какую-то опасность.

Я протянул руки к ящичку, но тут же отёрнул их. До сих пор не верилось...

– Не бойтесь, Андрей Тимофеевич, оно не кусается, – процедил над моим ухом Галяндаев. – Это всё – ваше, законное. Наш Ареопаг долго решал, кому доверить свой главный капитал, пока не выбрал вас. Из дальних родственников императора вы – самый подходящий наследник. Tabula rasa, чистая доска – она надежнее всех, она молчать умеет... Да, да. Если вы ещё не поняли, я снова всё объясню. Вы должны унаследовать главный капитал планеты – Госрезерв живого золота.

– А я раньше и не знал, что оно – есть... – растерянно протянул я.

– Вы не знали о Золоте? Неудивительно. Вся информация о главном ресурсе Земли строго засекречена. Живое золото – это универсальное топливо, способствующее бесперебойной работе любых механизмов и организмов даже при отсутствии остальных источников питания. Правда, добыть его очень трудно. Живое золото производится из человеческого организма – из крови, плоти, мозга. В мозгу, кстати, его концентрация наиболее высока...

– Угу... – задумчиво хмыкнул я. – И как вы добываете это золото?

– О, это дело, требующее крепких нервов. Живое золото можно получить только из трупа в течение 24 часов с момента смерти. И не каждый труп для этого подойдёт, – нужно, чтобы человек был абсолютно здоров физически, активен умственно и чист нравственно на протяжении большей части своей жизни. Да-да, нравственность важна для качества трупа, – люди, хоть раз в жизни совершившие крупную подлость, становятся непригодными для преобразования в живое золото...

– А как вы находите таких людей? Ну, пригодных для переработки?

Георгий Петрович нервно постучал тонкими пальцами по столу.

– Ну... мы отслеживаем всех особей, которые могут быть нам полезны, держим их под контролем с детства и до смерти... Кроме того, мы пытаемся в специальных питомниках выращивать подходящих индивидов, но почему-то именно нравственная их компонента обычно оставляет желать лучшего. Не имея возможности совершить подлость в жизни, они тем не менее столь же бесполезны для выработки Главного Резерва, как и отпетые мошенники...

– А почему так?

– Наука этого пока не объяснила. Есть многое на свете, друг Горацио... В общем, вся наша организация в настоящее время выработала достаточно живого золота, чтобы прокормить все организмы и механизмы нашей планеты в течение трёх лет. Для этого потребовалась четверть века упорной научной работы... Всё живое золото, что было нами произведено, если его спрессовать, вполне может уместиться в спичечном коробке. Он вам и будет доверен... И вашей первейшей обязанностью будет следить за дальнейшей работой по преумножению Главного Ресурса, прежде всего – за ускорением темпов работы наших органов и повышением производительности их труда.

– Всё так, но... – я поперхнулся от волнения. – Но... за что меня выбрали? По каким таким критериям?

– За нелинейность, Андрей Тимофеевич. Так, по крайней мере, в завещании его величества Григория X указано. Так я и до вас обязан донести. Кто поймёт великих мира сего, знаете ли... – морщины на высоком лбу Галяндаева изогнулись наподобие арабески.

– А как они это... решили? А? – непонимающе спросил я, глупо моргая глазами.

– А очень просто, – скривил тонкие губы Георгий Петрович. – Императору и Ареопагу пришла в голову мысль избрать наследника Главного резерва Срединной империи с помощью новейшей компьютерной программы, «ЛЮДОВЕД-2025» называется. И выбор машины пал на вас, Андрей Тимофеевич.

– Вот как... Весело. Весело, бессмысленно и беспощадно, – угрюмо улыбнулся я.

– Ну да. Теперь вас можно назвать Человеком с большой буквы... но гордо это слово пока всё равно звучать не будет. Вы должны доказать, что достойны этого... – тут юрист многозначительно замолчал.

– А что это значит – доказать?

– А то. Вам предназначена проверка, инициация, так сказать, – юрист самоуверенно усмехнулся. – Я бы, например, на вашем месте испугался такого наследства.

– А я и не боюсь... – отвечал я, засунув сигарету зажжённым концом в рот.

– Вы не боитесь... И не улыбаетесь. Похвально. Кто не умеет улыбаться, тот и не пугается. Страх с улыбкой в один день человеку открылись – когда запретный плод вкусил. А вы, по-видимому, до сих пор от жизни не вкусили, потому и нелинейны... Так-с... – Георгий Петрович снова постучал пальцами по столу.

– Ну, хватит рассуждать, – я прервал Галяндаева. – А могу я видеть его... его вели... Григория X, в общем? – титул как-то не хотел выговариваться, язык словно распух во рту.

– Может, и увидите. Дело в том, что до вступления в должность вы обязаны пройти ряд испытаний... Чтобы принять свой новый пост готовым. Вы понимаете? Всё это – могущество, золото, машины, люди – завещаны вам как испытание: деградируете ли вы от «жёлтого дьявола» или нет. Это эксперимент в духе Фауста, так сказать.... Впрочем, вы можете отказаться от наследства. И вернуться к обычной жизни, без испытаний... Они ведь будут весьма, – весьма! – непростыми. Это я могу сказать прямо, Андрей Тимофеевич.

– Отказаться? Не думаю... Эксперимент – это интересно... Я ведь Homo experimentum, человек – попытка... – я протяжно сглотнул слюну. Чуть помолчал. И бросил: – Согласен я. Побороться хочу с вашим наследством. Человек против золота – ради золота... и человека! Вот как!

– Итак, вы согласны. Азарт – хорошая штука, однако... Новый Фауст хочет победить прежнего Фауста? – Галяндаев взмахнул одуванчиковыми волосами.

– Да... возможно, – лёгкая улыбка мелькнула в уголке моих губ. – А в чем заключается проверка? Вступительные испытания-то? А?

– Их довольно много. Вам не скажут, когда и как вас будут экзаменовать, – живите, как живёте, испытания сами посыплются на вас, когда вы их и ждать не будете. Мы должны проверить вашу способность к импровизации, к неожиданным решениям, интеллект и креативность, как сейчас говорят. А если вы не вынесете испытания, тогда, извините...

– Тогда что?

– Тогда вы умрёте.

Я задумался. Незаметно сам для себя облокотился на собственную шляпу. Соглашаться или нет? Стоит ли золото того, чтобы рисковать жизнью?

– Знаете что, Георгий Петрович? – сказал я. – Мне надо подумать о вашем предложении. Посоветоваться с друзьями, с родителями, может быть... Я пока сказать ничего не могу. Поразмыслию, тогда решу... Но пока я ни от чего не отказываюсь, – добавил я поспешно, видя, как тускнет жёлтый огонёк азарта в глазах юриста.

– Ну, подумайте, подумайте. Вам ещё много думать придётся... Как придёте к решению, уведомите меня о нём. Пока же – наши люди будут наблюдать за вами, чтобы вы не сбежали. Вы всё-таки – собственность Срединного царства... Ну, до встречи!

Ящичек с Главным Ресурсом пропал в увесистом чемодане моего гостя. Галяндаев поклонился мне – жёлтые, одуванчикового цвета волосы взлетели над его головой. Я пожал Георгию Петровичу руку – холодное, бесплотное рукопожатие. Юрист ещё раз склонил голову и молча вышел, бесшумно затворив дверь.

ДОСЬЕ НА ОДНОГО МОСЬЕ

РУБЛЁВ Андрей Тимофеевич,

1997 г.р.

ВНЕШНОСТЬ, БИОГРАФИЧЕСКИЕ ДАННЫЕ.

Высокого роста. Блондин. Пышноволосяй. Тонкое лицо, высокий лоб, большие чёрные глаза, длинный изогнутый нос. Руки – длинные, с острыми, нервными пальцами. Походка – неверная, «вихляющая». Резкие жесты, резкий взгляд, резкие манеры. Голос – громкий, чуть хрипловатый, некогда надорванный.

Дата рождения – 1997 г., 18 июля.

Образование – высшее. Окончил аксиологический факультет Острожского государственного университета с отличием.

Профессия – архивариус. Степень материальной обеспеченности – средняя.

Испорченность – средняя, удовлетворительная.

Не женат. Детей не имеет.

ВКЛЕЙКА

Черновик автопсихографии Рублёва А.Т., поданной дежурному психоцензору при поступлении на работу в Главархив.

«...Я – человек родовитый, но небогатый и не особо влиятельный. Мои предки, крестьяне Тобольской губернии, водили дружбу с семейством Григория Новых (впоследствии императора Григория I). После его коронации они получили дворянство, а впоследствии породнились с монаршей семьёй. Это не помешало им попасть в опалу при Григории V. Грозный император лишил моего деда всех чинов и званий и отправил в ссылку. Мои родители, ныне пребывающие в Нелюдях, в доме дожития, после разоблачения культа личности добились реабилитации деда, но вернуть себе имя и влияние в обществе им не удалось – они всю жизнь работали обычными учителями.

Впрочем, эти исторические события никогда особо не волновали меня. Самый неприятный факт моей жизни – это имя, полученное мной при рождении. Зовут меня Андрей Рублёв. Андрей Тимофеевич Рублёв. В одном имени скрываются два человека: монах-иконописец Средних веков и юноша начала XXI века – длинный, костлявый парень, максималист, фантазёр и игрок. Носить под своим именем, как под плащом, наряду со своей скромной персоной иконописца, умершего шестьсот лет назад, всегда неудобно. Для себя в жизни места почти не находится. Остаётся тесниться и благодарить отца, в своё время потрясенного запрещённым фильмом о Рублёве и подарившего сыну такое имя.

Жизнь моя всегда соответствовала имени: она была чужой. Рос я в духоте и скуке. Родители любили позднего ребёнка и держали меня на кипячёной воде и кипячёном воздухе, среди книг, вдали от игр и развлечений. Им, учителям, хотелось вырастить сына великим мыслителем, творцом. Поэтому они меня и уберегали от жизни.

Само собой, я тянулся к грязи с малых лет. Где грязь, там и жизнь! Я рос смиренным бунтарём, превращая послушание в форму бунта... впрочем, между ними часто нет разницы.

Прошли годы. Родители давно переведены в лагерь дожития в Нелюдях, мою свободу ничто не ограничивает – снаружи. Но моя жизнь остаётся по-прежнему тихой и пресной. Быть тихоней в век громких голосов и нравственной какофонии – это лучший мятеж.

Работа в архиве кажется мне наиболее подходящей моему характеру. Слежка за прошлым – занятие очень интересное, это своего рода охота за памятью. Выискивать в архивах документы, имеющие отношение к реальности, и исправлять в них неподходящие цензуре факты – занятие очень рискованное. Истина, которую мы конструируем вокруг себя, может в любой момент обрушиться и раздавить нас. Это придаёт особый аромат и шарм работе сотрудника Главархива. Романтично каждый день рисковать своей жизнью ради целостности обмана, который мы зовём цивилизацией!

Я по натуре – игрок, и игрок в высшей степени азартный. Но я не позволяю себе прикасаться к игре без математической гарантии... нет, не выигрыша – наличия смысла в игре. В игре ловца времени есть смысл, это – игра творческая. С детства я повторял, как молитву, одну и ту же фразу: «Завоевать истину нельзя, а я её выиграть хочу». Но другой девиз, тоже игровой, со временем пришёл ему на смену: «Я как карта из колоды – значение своё знаю, а кто мной козыряет, не вижу». Возможно, близкое соприкосновение с материей времени позволит мне понять его механизмы и структуру и понять, кто и во что играет мной».

ПЕРВЫЙ ДИАЛОГ ВО ТЬМЕ

– Как вы думаете... ммм... Александр Люцианович, не слишком ли мы рискнули, доверив престол фактически случайному человеку? Может быть, не стоило доверяться машине в таком важном вопросе?

– Не беспокойтесь, Сарториус. Риск, конечно, здесь есть, но не особо крупный. Передача власти от отца к сыну – это ведь тоже передача случайному человеку. Любого можно подготовить к власти. И мы этого юношу подготовим.

– Не всякого можно подготовить. Наш кандидат – это чистый лист. Не своим умом умён, не своей дурью глуп. Что с него взять? На что он способен?

– На всё... или ни на что. А это, в сущности, одно и то же. Это как раз нам и нужно. Понимаете, мы ставим эксперимент – над Человеком вообще... сможет ли обычный, стерильно чистый юноша принять власть? Не испортит ли она его? И не испортит ли он её? Мы устроим ему такие испытания, что он точно подготовится к роли Цезаря...

– А если во время, когда мы будем его готовить, начнется война? Или революция? Или возникнут еще какие-либо проблемы?

– Тут бояться нечего. Императоры давно ничего в государстве не решают... Всё решаем мы, Ареопаг. В себе мы уверены, с любыми проблемами справимся – на то у нас и Живое золото. Монархом может быть кто угодно, хоть младенец, – а правим мы уже сто лет, и весьма успешно... И еще тысячу лет сможем процарствовать. А этот эксперимент нас, по крайней мере, развлечёт.

– Вас развлечёт, а империю потрясёт... Не верю я в ваши замыслы, Александр Люцианович. Не может быть, чтобы ради забавы вы меняли династию... У вас ведь есть свои планы, тайные, не так ли? Скажите – так?

– Ну, может быть, Сарториус... Всё может быть.

– Вот! Вот вы и сознались. Но каковы они, эти задачи? Я что-то уразуметь не могу...

– Да как вы не понимаете, Сарториус? Всё яснее ясного. Нам нужен слабый, неготовый к правлению человек – чтобы он передал все полномочия в наши руки. Император коронуется, а там мы ему войну устроим, восстание, бунт или ещё как-нибудь напугаем, чтобы у него от мысли о власти руки дрожали, – и он быстро подпишет закон о верховном совете, который мы с нынешним величеством пять лет протолкнуть не могли... И все нити власти будут в наших руках. Всё просто, Сарториус, всё очень просто...

– Согласен, всё элементарно... Как я мог не понять этого. Только устрашение императора надо провести ещё до коронации. Чтобы он заранее сдался... Так надёжнее будет, пожалуй.

– Да, Сарториус, согласен. Придумаем ему испытания, от которых у любого ботаника душа в пятки уйдёт... Здесь вы верную мысль высказали. Вам и поручаю её воплотить в жизнь. За дело, Сарториус, за дело!

ОСЕНЬ ПАТРИАРХОВ

(Из записок Андрея Рублёва)

Закисла природа в Остроге с наступлением вечной планетарной осени, как закисает творог, забытый в плошке. Хмуρο, слякотно, волгло за окном и на совести. От хмари законной невольно начинаешь тосковать.

Немудрено, что в такую погоду мне захотелось посетить слободу Нелюди, где в лагере дожития обитали мои старики родители. Галяндаев сопровождал меня – без его разрешения мне было бы нельзя увидеть стариков, законом XXI века отрезанных от мира.

Я давно мечтал доказать родителям, что чего-то стою. Отец – неудавшийся литератор – с самых ранних лет пытался вырастить из меня вундеркинда, героя, гения, и пользовался для этого известным средством – ремнём. Увы, популярность этого средства прямо противоположна его эффективности...

Мать, несчастная, забитая женщина, не способна была ни к каким сильным чувствам, кроме ощущения своей и чужой ненужности. Её единственным развлечением было лечение меня от всевозможных болезней, которые она сама мне и выдумывала.

Само собой, детство моё особенно счастливым назвать было трудно. Я рос смиренным бунтарём, внешне тихим и прилежным мальчиком, втайне мечтающим, чтобы мир, где его не понимают, искупался в крови. Слава богу, что мои мечты выплеснулись в творчестве, а не в разрушительных поступках... Но быть средней успешности архивариусом и средней известности поэтом – это слишком мало для дрянного мальчишки, глядящего в Наполеоны.

Мне хотелось добиться баснословного, неслыханного успеха – и чтобы родители это видели: знай, отец, кто твой сын – гигант, не чета тебе! Знай, мама, кто твой сын – герой, не то что ты!

И вот наконец-то моя мечта сбылась. Я могу встретиться со стариками, живущими в заточенье, в промзоне, среди моховых плантаций, и ткнуть их носом в грязь: вы в меня не верили, считали пылью, – смотрите теперь, кто я!...

...Третий Нелюдской дом дожития стоял перед нами. Это был столбообразный небоскрёб с зелёными плантациями мха на больших балконах и крыше. Здесь пенсионеры коротали время, выращивая мох для пищевого потребления жителей Острога. На другие занятия им времени просто не оставалось. Работа не тяжёлая, но постоянная – как раз то, что нужно для стареющего организма...

Вокруг третьего дома в раскисшей грязи стояли такие же здания для стариков, только рангом пониже – там были проблемы со светом и отоплением. Прозрачные стены небоскрёбов были изнутри все залеплены мхом и имели зеленовато-бурый оттенок. Надо было использовать все площади для выращивания главного пищевого продукта империи.

Мы с Галяндаевым остановились у крыльца, он набрал код на домофоне, что-то буркнул туда. Через некоторое время двери перед нами открылись, и из лифта вышли старички Рублёвы. Их сопровождал сторож, в обязанностях которого было следить за лагерянами, чтобы они не сбежали и не повредили себе.

– Ну, сынок, здравствуй. Не ждали мы тебя увидеть, – медленно проговорил отец, крепкий, высокий старик, только начинающий сидеть в свои семьдесят лет. – Нам сказали давеча, что с тобой случилось... Да, да... Сложная задача стоит перед тобой, сложная.

– Да... Большой ты человек теперь, – чуть слышно прошептала мать, уже совсем седая, сутулая женщина 65 лет. – Не ждали мы, что ты в эту сторону пойдёшь... Мы-то с отцом другого хотели.

– Да, да, я помню... – улыбнулся я. – Искусство, книги, книги, книги... Слова, слова, слова... Детство моё, помню, как же... Вы-то хотели, чтоб я писателем стал, а я – вот те на! – политиком сделался. И правильно, думаю. Мне чего-то настоящего в жизни надо. Не слов, а дел.

– Ты, конечно, как хочешь, так и поступай, – выпрямился отец. – Но я бы тебе править не советовал. Ты человек книжный, слабый. Не хватит в тебе крови, жизни не хватит, чтобы миром править. Честь тебе, конечно, великая оказана, но – суди здраво, можешь ли вынести это всё или нет?

– А что – всё?

– А то. Власть, она на крови стоит. Под каждым царём надо бы вместо трона эшафот ставить, чтобы знали, на чем власть всякая держится, – отец распрямил плечи и взъерошил шевелюру большой ладонью.

– Так эшафоты и добру тоже служат, – хмыкнул я. – Не слышал такой фразы: «Добро должно быть с кулаками»? Это отец Станислав, – телепроповедник, знаешь, – говорит постоянно...

– Чушь он говорит. Добро должно быть не с кулаками, а с мозгами. Безмозглое добро с кулаками – вещь опасная... – буркнул Тимофей Петрович, поплёскивая карими глазами из-под косматых век.

– Ну, ты сказал... Это, может, и так. Только я не хочу обо всё этом думать... – мямлил я. – Может, вернее – не думая, сделать, что сердце скажет? Не колеблясь? Решиться, а там – хоть в омут вниз головой? Колебания-то никого ещё не спасали... Всё равно всего не предусмотреть...

– Вот-вот, не думай, – скептически протянул отец, всё твёрже сжимая между крепких рук рукоять палки. – Русские люди тем и сильны, что не думают, что делают. Им приказывали, они делали. Так и наворотили Россию на полмира. На Западе же трижды думают, прежде чем сделать что, вот у них и тратится жизнь по мелочам. А ты не думай, ты храбрись, рвись вперёд, до конца, по-русски. В этом, может, счастье твоё. Чтоб его, счастье это, до конца исчерпать, храбрым надо быть. Большинство не дочерпывают – пугаются того, что проступает со дна. Поверь, я по своему опыту говорю.

Я стоял, глядя в землю и крутя в кармане из пальцев фигу. Резкий ветер дунул, чуть не сорвав с моей головы шляпу, но я не пытался удержать её. Все мои мысли занимало отвращение к себе. Как я был гадок сам себе в этот миг! И как мне было приятно чувствовать свою гадкость!

– Н-даа... – только и смог протянуть я. – А ты, мама, что скажешь?

– Делай, сынок, что хочешь. Что сделаешь, то и правильно. Ты теперь большой, ты теперь... власть, – проговорила она бесцветным голосом, теребя край своего серого платка. – Делай, как знаешь. Стары мы тебе указывать.

В этих её словах мне слышались другие слова: «Я, сынок, не хочу, чтобы ты правил. Но власть тебя выбрала, и я против неё не пойду. Я женщина слабая, всегда слушаюсь».

– Мать, она в своём репертуаре. Ничего не сказала и всё равно ошиблась, – огрызнулся отец, снова ероша шевелюру.

Галяндаев стоял, еле пряча улыбку. Было видно, что его забавляет происходящее. А моя голова кружилась, как у пьяного. Я не ожидал от родителей такой реакции... Я думал, они будут удивляться, радоваться, сердиться, завидовать, наконец, но спокойного неодобрения сыновнего успеха от них я не предполагал. Но именно из-за этой их реакции решение рискнуть – окончательное, прямое – созрело в моём сердце.

– Вы судите, как хотите. А я всё-таки рискну, – тихо-тихо бросил я. – Сыграю в игру с большими ставками. Может, выиграю... История – это игра. И мне в ней не победа важна, а проверка моих сил. Понять себя хочу: кто я? Большой я человек или маленький, сильный или слабый? Поставлю эксперимент... над собой. Над людьми. И, может, переупрямлю. А не смогу победить – хотя бы узнаю, кто я. Это знание дорогого стоит. Не для такого ли знания вы меня растили, а?

Я лукаво подмигнул. Родителям от этого явно не стало веселее: мать сгорбилась ещё больше, а отец, наоборот, выпрямился, как по стойке «смирно».

– Поступай как хочешь. Ты человек вольный, взрослый. Мы за тебя не решаем. И вообще, хватит болтать, нам пора на плантацию. Людей в Остроге кормить чем-то надо, – буркнул отец, зло поплёскивая глазами.

Мы пожали друг другу руки и разошлись.

Лифт повёз старичков назад, на верхние этажи их дома, а я сел в громоздкое авто Георгия Петровича, и мы поехали в Острог.

За всю дорогу я не сказал ни слова. Только Галяндаев, сидевший рядом со мной в машине, чему-то молча улыбался, и встречный ветер разведал его одуванчиковые волосы.

ПРЕЛЕСТИ МОХОВОЙ КУХНИ

Как известно, коронованные особы не имеют права ни на любовь, ни на творчество.

Разумеется, многие короли писали стихи, пьесы или картины, но всё это, как правило, имело характер хобби, любительства. Качеством их творения обычно не отличались. Таков закон природы: рука, подписывающая смертные приговоры, не может держать перо или кисть.

Поэтому Андрею предстояло уйти из литературных кругов, в которых у него было много друзей.

Чтобы попроситься с друзьями и бросить последний взгляд на их стройные ряды, Андрей пришёл на банкет в Острожский дом литератора – Осдомлит. Там, в рамках празднования восьмидесятилетия городского писсоюза, презентовалось новое направление в поэзии – белибердизм. Три молодых автора создали его за неделю до праздника и, не поняв как следует, что у них родилось, понесли показывать дитя обществу.

Гостей ждал роскошный банкет. Повар Иван Серафимович Торчило показал вершину кулинарного артистизма. Все моховые блюда на праздничном столе были выполнены в виде миниатюрных животных, ничем не отличавшихся от настоящих – слонов, тигров, львов. Мох блестяще играл роль шоколада и марципана.

На банкете присутствовали виднейшие поэты-белибердисты и их друзья: Вася Холод – пузатый, щекастый юноша, напоминающий пельмень, надувающийся от важности; авангардная поэтка-эстетка Елизавета Петровна Лихач; некто Илья Львович Голимонт, – постоянный гость всех мероприятий, десять лет ничего не писавший, но в силу привычки всеми за что-то уважаемый и всюду приглашавшийся, и многие другие.

По рассеянности своей опоздав на четверть часа, Андрей прокрался в зал уже после произнесения основных речей. Он робко пробрался между успевшими уже хорошенько выпить и закусить литераторами и присел на свободное место за столом, рядом с поэтом Александром Недопушкиным – Недопушей, как его прозвали в литературных кругах. Александр Иванович сидел за столом, прямой и длинный, как гвоздь, скрестив руки на груди. Его красные губы на вампирски-бледном неподвижном лице привлекали взгляды женщин, как магниты.

Сидевшая напротив разомлевшая от хмеля тучная Лизавета Лихач, увидев Андрея, причмокнула полными губами. Блуждающий поцелуй Лизаветы Петровны полетел по воздуху, примериваясь к людям: к кому бы пристать? В конце концов, он недоуменно пристал к устам Недопушкина, всосался в них и – задушил человека, так, что только оболочка от него осталась. Пустой кокон человека сидел за столом, не шевелясь, несколько часов, но никто этого не заметил.

Рублев тоже не замечал этого. Он направлялся в отдельный кабинет, заранее приготовленный для него, где за накрытым столиком уже сидели его друзья, цвет острожской богемы, – дипломат Вадим Вадимович Берг, его сестра Майя, художница Валерия Казарская, поэт Глеб Лямзиков, меценатка Ольга Левиафани.

Молодой дипломат и беллетрист Вадим, – высокий рост, благородный серый костюм, запрокинутая голова, прямое смуглое лицо со сросшимися бровями, – был похож на шоколадное пирожное, стремящееся притвориться гранатой. Он только что вернулся из дипломатического визита в Атлантическую державу. Бакенбарды Вадима, отращиваемые в подражание Пушкину, смотрели особенно самоуверенно.

Майя сидела рядом с братом, положив ногу на ногу. Глаза её блестели особенным, мёртвым блеском. Она улыбалась, загадочно, с лукавинкой, и казалось, что родинка над верхней губой смеётся вместе с ней. Тонкая длинная сигаретка в её изящной маленькой ручке, одетой в полупрозрачную перчатку, время от времени подлетала к узким алым губам девушки. Глаза Майи рассеянно скользили по гостям дома литераторов, нигде не останавливаясь надолго.

– Знакомьтесь: Андрей Рублёв, великий писатель, биограф Иуды, демиург острожский, принц датский и прочая, прочая, прочая! – продекламировал Вадим под всеобщий хохот, когда наследник Срединной империи подошёл к их столику.

– Ну, хватит, черти драповые... – весело возмутился Андрей. – Ну что вам эта повесть про Иуду? Да, написал я её когда-то. Но не про Иуду она. Она про нас. Роль Иуды, как и Христа, каждый хоть раз в жизни сыграть может. Хотя переписать Библию в виде досье – это смело, да...

– Да, ты писатель рискованный... – чуть шепелявя, произнёс Глеб Лямзиков, плотный, коренастый юноша, образец послушания и тупости для всех молодых литераторов Острога. – С виду и тихий, да темы такие поднимаешь, – расстрелять за них можно. Как мой шеф говорит: писатели – народец такой, кого на дуэли не подстрелят и на каторгу не сошлют, тот с горя сопьётся.

– Глеб, ты человек, может быть, и чистый. Только безнадежно чистый, – рассмеялась Майя, отставив в сторону бокал с моховой настойкой. – Всё боишься, как бы чего не вышло. Как бы по службе тебя не наказали... А жизнь мимо проходит. Но тебе ведь всё равно.

Глеб потупил взор. Он выглядел как всегда нелепо. На нём была зелёная кофта под бежевой широкой курткой. Рядом на столе лежал вязаный берет, который он забыл снять в гардеробе и теперь таскал с собой. Лёгкая шепелявость и близоруко прищуренные глаза сразу

вызывали у людей чувство жалости к нелепому юноше. Видно было, что этот человек много перенёс, прежде чем стать тем, кем стал.

Валерия Казарская – тощая, смуглая девушка с узким, египетского типа лицом – обычно почти не вступала в беседу. Она сидела, закинув ногу на ногу и покусывая губы, и только изредка вставляла короткие реплики. Но здесь она не смогла не высказаться.

– Он не чистый, он пустой. У него вместо сердца – кобура, чтоб пистолет в недоступном месте прятать, – на всякий пожарный, – хриплым, низким голосом прозмеила она. – Он парень тихий, но опасный. В тихом омуте черти водятся, – знаешь это, Андрей?

Андрей не слышал, что говорила Валерия. Он смотрел на Майю, смотрел, как посасывает она свою сигаретку, как отпивает по глотку из бокала, и в его голове сами собой складывались стихи.

– Хватит... это... спорить, – сказал он, моргая глазами. – Я о другом хотел сказать. О важном...

Вадим и Майя перемигнулись. – Дело в том, что наш государь, Григорий X, сейчас очень плох... угу... не в том смысле, что плох, а в том, что болен. И наследника у него нет. Вы знаете, конечно...

– Знаем, знаем, – надул толстые губы Вадим. – И что ты хочешь сказать? Что кто-то из нас ему наследует, что ли?

– Да... – сокрушенно произнёс Андрей. – Я.

– Не смейся! – воскликнула Майя, высоко подняв чёрные брови. – Ты шутишь, да? Ты-то тут при чём?

– Нет. Я не шучу. Вот письмо из Бюро... Позавчера получил... А вчера с представителем Бюро говорил – с Гаяндаевым. Человек известный... – Рублёв вытащил из кармана помятую бумагу. – Вот, тут всё написано...

– Георгий Петрович? – Глеб сразу побледнел, его усики настороженно взъерошились. – Наслышан, наслышан... Дело опасное...

– Что ты хочешь сказать? А? – взмахнула тонкими руками Левиафани. – Что это ловушка? Может быть, может быть...

– Да верное дело, ловушка, – весомо бросил Вадим, насупив брови. – Откажись, пока не поздно, прямо тебе говорю.

– А лучше не отказывайся, – возразила Валерия. – Согласись! Ты весь высший свет изнутри увидишь, всё узнаешь... а если будет опасность какая, мы с Вадькой и Глебкой тебе поможем, выручим. Они там люди не последние, многое могут... И я тоже... – Но... – Андрей начал было что-то говорить, но осёкся. Валерия смотрела на него чёрными блестящими глазами, не мигая, и молчала. Видно было, что она заинтересована открывшейся ему перспективой – не как человек, а как художник. Глубина этой перспективы ясно читалась в её глазах, манила и завораживала...

– В общем, тише воды, ниже травы. Тише воды, ниже травы, – подытожил Глеб. – Бог любит молчаливых. Держись смирно, плыви по течению, само тебя вынесет. И главное – не рискуй. Отказом тоже навредить себе можно... Надерзишь – и пойдёт...

– Угу... Да... И я так думаю... – Андрей тряхнул головой, словно сбрасывая с себя задумчивость. – Сначала всё разузнаю, расспрошу, что и как... Может, шутят они, может, проверить хотят... С чего бы меня императором делать? А вот если я все испытания пройду, мне, может, пост повыше в архиве дадут... У них там всё продумано, они на авантюры не способны. Зря над человеком издеваться не станут... В общем, поживём – увидим. А Бог – он всех любит.

– Правильно говоришь, – мурлыкнул Вадим. – Так что – давайте все выпьем за будущее Андреево повышение!

Над столом столкнулись бокалы с зеленоватой жижей – моховой настойкой. Пока друзья пили, Вадим подмигнул своей сестре Майе и под столом погладил её колено. Майя ответила чуть заметным кивком.

– Пей, пей, Андрюша, тебе такой путь открывается! – начала говорить она, подливая Рублёву настойки – ещё и ещё. Наследник не успевал закусывать её моховыми бутербродами с зелёной икрой и быстро пьянел. Через полчаса за столом была слышна только его речь:

– Я – поэт! Я думаю о вечном, понимаешь ли ты, о вечном! И когда я кричу: «Эврика!», мне всё равно, есть на мне штаны или нет! – кричал он под всеобщий хохот. – Я на звёзды всю жизнь смотрю, а не в грязь! И дорога моя туда и ведёт – к звёздам!

Вадим поддакивал. Майя смотрела на Рублёва, изображая влюблённость. Он уже почти верил ей...

– Не умеешь ты пить, Андрей, – сухо сказала Ольга. – Не умеешь – лучше не пробуй. А то позора не оберёшься...

– Не мешай нам праздновать, Оля! – крикнула ей Майя. – Ты, и выпив, трезвая... а мы и трезвые во хмелю! Каждому – своё! Знай и не завидуй...

– Я не завидую, – зло отрезала Ольга и замолчала. Больше участия в беседе она не принимала, только изредка бросала на пирующих белые, недовольные взгляды исподлобья.

– Я ведь почти умер на этой работе... Я за.. захоз... засох, – заплетающимся языком бормотал пьяный Рублёв. – Но я слишком слабо умер, неосновательно, чтобы воскреснуть. Надо мне что-то пережить... такое... чтобы – ух! Чтобы – встряска! И тогда оживу... И напишу... что-нибудь! Понимаешь, Майка?

– Понимаю... – шептала захмелевшая Майя, склонившись ему на плечо.

– Ты одна меня понимаешь... – бормотал Андрей, под столом обнимая Майю за талию.

Валерия слушала их разговор, с недовольным видом сидя между Майей и Ольгой и покусывая нижнюю губу. Ей было неприятно, что привлекательный парень так очевидно уплывает от неё. Проигрывать она не любила. Сакраментальный диалог между молодыми людьми не должен был состояться...

Что ж, – чтобы выиграть, надо поиграть!

– Надоели мне эти умные беседы... – медленно, с коварной улыбкой сказала сама себе Валерия. – Мне бы чего-то живого... острого... чтоб до костей пробрало! – её лицо покраснелось от моховой настойки, в глазах прыгали бесенята... – Предлагаю поставить эксперимент!

Тихо, чтобы никто не заметил, Казарская наклонила тарелку с зелёной икрой, стоявшую перед Рублёвым, так, чтобы её легко можно было опрокинуть. Через пару минут она окликнула Андрея, и он обернулся в её сторону. При этом наследник неловким движением задел тарелку – и её содержимое полетело через стол.

Зелёная моховая икра, с таким трудом выращенная стариками Острога на плантациях, залепила лицо сидевшему напротив Голимонту. Илья Львович был так изумлён, что даже не пошевелился. Он только надулся от возмущения так, что казался втрое толще обычного.

– Что? Что?... – только и мог пробормотать мэтр.

– Это не я. Это не я, – быстро-быстро заговорил Рублёв. – Я не хотел. Я случайно...

– Это как раз вы, – возмущённо заквакала белокурая Лизавета Лихач, тряся внушительных размеров бюстом над скатертью. – Как раз вы! Стыдно, молодой человек! И вам, и вашей спутнице! Пить надо уметь!

Валерия хохотала. Сближения Андрея с Майей теперь точно не состоится. Скандал устроен хорошенький. Вечер явно прошёл не зря.

– Вот он сидит – зелёный, как нечисть! – смеялась Казарская, тыча пальцем в облепленное икрой лицо Голимонта. – «Поднимите мне веки, застегните мне брюки!» Ха-ха-ха!

Андрей зачем-то попытался поймать Валерию за руку, но пошатнулся и упал лицом в тарелку с моховым пюре. Зелёное вещество размазало по его лицу, одежде, скатерти.

Тем временем охранники Осдомлита успели сцапать скандалистку. Валерия пыталась вырваться из их крепких рук, рыдала, плевалась, но они уже не раз имели дело с пьяной интеллигенцией и знали, как себя вести. Девушку подтащили к дверям и вытолкнули на улицу. Друзья последовали за ней. Было ясно, что хорошего приёма в этом доме им больше не окажут.

Казарская сидела на асфальте и хохотала.

– Ты понимаешь... понимаешь, Лерка, что ты сде-ла-ла-ла? – заплетающимся языком выкрикивал Лямзиков. – Ты себя ском... ско... про-ме-ти-тировала! И нас!

– Ничего. Репутация – это не девственность. Навсегда не потеряешь, – смеялась Валерия. – А как я ему... этому... в лицо! В лицо!

Пьяная девушка клонилась на плечо Андрею, сидевшему рядом с ней. «Поедем ко мне...» – шептала она, глядя его по щеке. Но ночного randevу могло и не состояться: к гулякам подошёл полицейский, увесистый культурист с физиономией кирпичного цвета.

– В чём причина веселья, дорогие мои? – спросил он.

Ольга, до того момента стоявшая в стороне, твердой походкой подошла к Рублёву и, взяв его за руку, объяснила представителю власти:

– Это мой друг. Его повысили по службе. Он всю жизнь не пил, а тут – отпраздновать решил... Надеюсь, вы понимаете... – сотрудник полиции понимающе кивнул. – Я его давно знаю, могу поручиться, что сам бы он – никогда... Беру его под свою ответственность. Моя фамилия Левиафани, – не слышали?

Услышав фамилию Ольги, поборник порядка вытянулся, побледнел, даже галстук его стал чуть тусклее.

– Знаю, конечно... Я что, я ничего... вам мы всегда доверяем, вы его лучше нас перевоспитаєте... Всего наилучшего, всего наилучшего.

Сотрудник правопорядка растворился в сизом сумраке, из которого и возник. Ольга расторопно затолкала Андрея в свой электромобиль и, крикнув неудачливым соперницам: «Прощайте, голуби!», рванула к себе, в своё загородное поместье. Глаза её блестели, губы искривились в язвительной усмешке – игра была выиграна ею.

Хмельной Андрей, лёжа на заднем сиденье электромобиля, читал проповедь деревьям, облакам и всему, что мелькало за окнами машины:

– Люди, птицы, деревья, орлы, куропатки! Слушайте меня. Истину вам говорю! Жизнь – это хмель бога, смерть – похмелье его. Хмель игры – вот в чём сладость жизни, вот в чём тайна! Играя, меняя лица, положения, бог страждет и блаженствует в нас – во всех, в каждом!... Дайте ему жизни, дайте ему крови вашей, пусть он переживёт в вас полный хмель счастья и горя – и вы будете превыше всего! Превыше всех! Дайте только ему крови, дайте жизни... дайте... дайте-е-е!

– Что это ты декламируешь, артист? – саркастически спрашивала Андрея Ольга через плечо.

– Да так... Отрывок из книги!... Из своей... – блаженно улыбался Рублёв. – Как хорошо, а!...

Он был молод, влюблён и пьян.

Он воевал со всем миром.

Он был счастлив.

ЛЮБОВЬ И ДРУГИЕ НЕПРИЯТНОСТИ

Покачиваясь на мягком заднем сиденье в машине Ольги, Андрей слегка задремал. Что происходило после пирушки – так и осталось для него тайной. Пришёл в себя он только наутро, в доме Левиафани.

Ещё не начало светать. Рублёв лежал на мягкой постели, один в комнате. Голова болела от похмелья. Вскоре после пробуждения слуга Ольги, пожилой сутулый рыжий англ, принёс ему завтрак – весьма нехитрый: пару зелёных тостов и чашечку слабого мохового рассола, для опохмелки. Когда Андрей подкрепился и отчасти пришёл в себя, в его комнату зашла хозяйка дома.

– Ну что, наследник престола, как ты себя чувствуешь? Голова не кружится?

– Кружится, – кивнул Андрей. – С тех пор, как мне об этом сообщили, – ну, о наследстве, – я как будто над пропастью стою. И голова кругом идёт от высоты, на которую встал... От глубины, которая там... внизу...

– О, я вижу, в тебе поэт заговорил, – улынулась Ольга. – Ничего, скоро это пройдёт. Скоро в тебе только политик говорить будет.

Губы Ольги улыбались, но глаза её были невеселы. Привычная трезвость мышления не позволяла ей радоваться избранию этого забавного паренька на высокую должность. Девушка хорошо понимала, что означает это решение властей и чем это может грозить и Андрею, и всей империи.

Ольга Левиафани была особой обеспеченной и знатной. Она вела свою родословную от итальянских аристократов, переселившихся в Острог после завоевания и разрушения Рима легионами германской Атлантической империи в 1940 году. Семья Левиафани пользовалась в Остроге уважением как видные мохопромышленники и меценаты, отдававшие немалые суммы на помощь художникам, писателям, композиторам. Левиафаниевская стипендия позволила многим творцам с мировыми именами не умереть с голода и реализовать свои дарования.

Андрей очень дорожил своими отношениями с Ольгой. Её капиталы и связи могли обеспечить ему – в случае заключения брака – безбедное существование и удачную литературную карьеру. Но теперь, когда он готовился стать императором, эти цели, прежде столь заманчивые, становились для него мелкими, пустяковыми. Чтобы не потерять всё, Андрею надо было отказаться от многого – объявить Ольге о том, что их брак отныне невозможен.

Для сакраментального разговора наследник выбрал подходящий момент. Он объявил о разрыве тогда, когда после совместного завтрака они с Ольгой направились в фамильный склеп Левиафани. Там, согласно обычаю, девушка раз в неделю воскуряла благовония перед могильными брикетами предков.

Дело в том, что в двадцать первом веке, когда человек умирал, его тело перерабатывали и превращали в портрет усопшего – плоский, в полный рост, размером с ладошку, похожий на пряничного человечка. Такие брикеты-портреты могли храниться несколько столетий. В склепе

Левиафани было около полусотни портретов, стоявших внутри ниш в серых гранитных стенах. Посреди склепа под колпаком из стекла горел факел – символ памяти об усопших. Среди тишины громко тикали часы, отсчитывавшие время до воскресения всех умерших.

Ольга стояла молча, держа в руке дымящуюся палочку с восточным благовонием. Светло-розовый дымок улетал в нишу, где на подставке стоял портрет её недавно скончавшегося отца. Воздух постепенно наполнялся тонким, неуловимым ароматом.

Руки Левиафани, одетые в жёлтые перчатки по локоть, казались неестественно длинными. Тонкий стан чуть изгибался назад. Ольга напоминала большую, длинноногую птицу, не умеющую летать, но ходящую по земле с царственной величавостью.

– Понимаешь, Оля... – бессвязно, морща лоб от головной боли, начал объясняться Андрей.
– Я хочу сказать, что мы... то есть я... теперь, когда я избран... понимаешь...

– Я всё знаю, – тихим, низким голосом прервала его Ольга. – Мне друзья всё сообщают, что в высших кругах творится. Ты хочешь стать императором. Или погибнуть... Зачем ты этого хочешь? Ну, зачем тебе это нужно?

– Я... это... Я хочу изменить Россию, – запинаясь, квёло проговорил Рублёв.

– Ты выбрал не то слово, Андрей. Не изменить, а преодолеть. А преодоление России – задача запредельная... Лучше подумай обо мне. Жить со мной, быть вольным художником – это ведь лучше! Так ты большую пользу России принесёшь...

– Может быть... Но я все-таки человек. Я люблю себя, да. Люблю! И хочу славы. А стихами её в наши дни не добьёшься.

Брови Левиафани удивлённо поплыли вверх, лоб и переносица чуть наморщились.

– Слава – это почётная форма позора. Ты разве этого не знаешь? – Ольга бросила на юношу вопрошающий взгляд. – Ты будешь править, а газетчики по всему свету будут мыть твоё грязное бельё... Если ты думаешь, что это почётно, то ты ошибаешься.

– Может быть... Но я не только славы хочу, но и власти, – Рублёв еле собирал рассыпавшиеся мысли воедино. Диспут, затеянный Ольгой, пришёлся явно не ко времени.

– Приятнее хотеть власти, чем иметь ее. Мой отец имел её – и всё потерял... Вот он – куколкой на полочке стоит, – изящным жестом девушка указала на плоскую фигурку в нише. – И всё оттого, что Григорию Восьмому не угодил... Мнениями не сошлись.

– Не будем вспоминать о Восьмом. Его давно все прокляли... Его сожгли и прах по ветру развеяли. Пыль, пыль – всё пыль... – монотонно тянул Рублёв. Его клонило в сон. – И цари – пыль. И все люди пыль. И жалеть их нечего.

– Да... Верно говоришь. Но пыль, она хорошо помнит всех, кто по ней прошёлся, – сказала Ольга, мелодично постучав пальцами о серую полочку под фигуркой отца. – Где пыль, где грязь, там и жизнь. И тебя вся пыль, по которой ты пройдёшься, запомнит... И потом на твою могилу ворохом ляжет.

– Ну, это уже мне всё равно будет. Трава не помнит, на чьей могиле растёт – героя или подлеца. Ей всё равно, чьи соки со-сосать. Так и пыли твоей...

– Ой, ошибаешься... – Ольга на минуту замолчала, а потом продолжила – уже другим голосом. – Надоело мне спорить обо всём этом. Давай лучше помолчим. Послушаем тишину... На прощание. Ей есть что нам сказать. Обоим...

Молодые люди сели на небольшую скамеечку у стены склепа. Андрей довольно долго молчал, голова шла кругом – не то от не прошедшего ещё похмелья, не то от опьянения властью. Ольга тоже молчала, показывая всем своим видом, что ей нет дела до его размышлений. Её голова с аккуратнo убранными в каре волосами чуть наклонилась назад, но спина была прямой, как струнка. Губы чуть шевелились – девушка беседовала с усопшими...

Голова Андрея шла по кругу, ему – разомлевшему от моховой настойки – невыносимо хотелось спать. Он поник, откинул голову и замер без движения. Ольга спросила, что с ним. Андрей не отвечал. Ольга затормозила его – никакой реакции. Юноша спал, чуть похрапывая и блаженно улыбаясь во сне. Моховым перегаром от него несло за версту. Левиафани тряхнула друга ещё раз и, презрительно скривив губы и запрокинув голову, прямой походкой вышла из склепа.

– Когда протрезвешь, возьмёшь ключ в папиной нише и выйдешь, – сказала она перед тем, как закрыть дверь. Андрей смог только что-то нечленораздельно промычать в ответ...

Отношения были испорчены, любимая женщина – потеряна, наверное, навсегда.

Но путь к престолу был свободен.

Когда Андрей проснулся, – а это произошло нескоро, – он покинул склеп Левиафани и пешком направился к центру Острога. На душе было пусто и светло. Всё прежнее закончилось, миновало, прошло; начиналось что-то новое, неизвестное, пьянящее... Андрею не хотелось идти домой, и он долго бродил по грязным улицам в англо-квартале Острога. Здесь жили беженцы, промышлявшие попрошайничеством, гаданием, а иногда и воровством. К таким людям Рублёва тянуло с детства.

Он ходил среди нищих англов, как один из них, как обычный уличный попрошайка. Андрею было интересно посмотреть на народ, которым он, возможно, будет править, изнутри. Поставить эксперимент – познать человека. Царь, побудь нищим. Нищий, побудь царём. Тогда ты лучше узнаешь себя, власть, свободу.

В тот день, в двенадцать часов, должны были объявить указ о престолонаследии. Жителей прилегавших к центру Острога районов заставляли собираться на Дворцовой площади, где специальные глашатаи готовились объявить имя наследника.

Рублёв долго наблюдал за шествием англов на центральную площадь. Беженцы шли толпой мимо серых барачных корпусов, поднимая пыль, недовольно переговариваясь. Усталые, вспотевшие, они медленно шагали, опустив головы, глядя в грязь под ногами. Полицейские управляли их продвижением. Над дорогой стоял глухой ропот, серый и бесцветный, как облако пыли, поднятое шагами. В лица беженцев било дымом, тлением, осенней сыростью, запахами прелых листьев и трав.

Андрей стоял среди толпы и ждал, когда Галяндаев выйдет на дощатый помост у стен Хрустального дворца, возвышавшегося среди низеньких серых барачных корпусов, и объявит его имя. Тогда он выйдет из толпы нищих – такой же, как все, в простой одежде, плоть от плоти народа – и все склонятся перед наследником верховной власти. Театральная сцена, как раз как он любит, – красиво, эффектно, благородно и немного пошло. В стиле приключенческих романов начала двадцать первого века.

Но до полудня было ещё далеко. Перед объявлением наследника городское начальство давало моховой обед для нищих. На длинных столах, стоявших вдоль площади, стояли тарелки с моховой похлёбкой и зелёным хлебом. Рядом с Андреем стояла бабка-нищая, из англов, – смуглая, рыжеволосая, с проступающей на висках сединой. Она особенно рьяно налегала на еду, хлебала жижу так, что брызги во все стороны летели.

– Не ела бы так жадно, не позорила бы себя, – важно произнёс у неё над ухом Рублёв. – Не хлебом единым, знаешь ведь...

– У меня от таких проповедей уже уши похудели, – резко бросила бабка. – Не лезь к голодной, коли сам сыт. А лучше – проваливай, откуда пришёл. Не наш ты, приبلудный. Одет хорошо, вон – лоснишься весь...

– А ты бы поостереглась, – потешался Андрей. – Знала бы хоть, с кем говоришь...

– А что тут знать? – набычилась нищая. – Все мы бедняки. Есть богатые бедняки, есть нищие. А остальное неважно. Али хочешь, чтоб я тебе по ладони погадала? Так по руке не скажешь, святой ты али жулик. Особенно если рука в грязи. Судьбу увидишь, душу – нет...

– А ты хорошо говоришь! – удивился наследник престола. – Как зовут тебя? Скажи – может, помогу потом...

– Как зовут, давно забыла, – ухмыльнулась бабка-философ. – Сибирью меня кличут. Баба Сибирь. Так и ищи меня – Сибирь Ивановну на всех помойках знают... А вон мой муж, Волк Иваныч, – указала она на грязного, обросшего бородой бомжа-англа, стоявшего неподалёку, у соседнего стола с похлёбкой. – Все мы Иванычи, кто в Остроге бомжует. Все братьями зовёмся...

– Интересно! – довольно крикнул Андрей. Хождение в народ явно удавалось...

В это время хорошо одетый мальчик, стоявший с родителями неподалёку, – очевидно, из обеспеченных горожан, желавших послушать указ, – показал пальчиком на обросшего волосами Волка Иваныча и отчётливо произнёс:

– Бог.

– Нет, сыночка. Это бомж, нищий. Это не Бог, – ласково протянула малышу его мамочка.

– Нет. Бог, – по-прежнему лепетал малыш.

Стоявший на углу важный полицейский – подбородок кирпичом, толстое брюшко, косая сажень в плечах, – усмехнулся:

– Какой это Бог? Это дерьма кусок.

– А... а вот те дерьма кусок! – неожиданно крикнула баба Сибирь, кидая горсть размокшей земли прямо в лицо полицейскому. Лицо её исказила гримаса бессильной ненависти: открылся тёмный провал беззубого рта, горбатый нос затрясся, пыльные морщины на лбу и щеках стали ещё глубже.

Грязь залепила представителю власти глаза и рот, так что он не смог даже членораздельно отmaterить нищую. Он стоял, качая головой и пытаясь оттереть лицо, и что-то мычал. Прежде, чем Андрей успел усмехнуться комичному драматизму этой сцены, полицейские бросились мутузить Сибирь Ивановну. Англы заступились за свою товарку. Завязалась потасовка, в которой и невинные люди, просто стоявшие рядом, запросто могли получить удар резиновой дубинкой или выстрел усыпляющей пулей.

Это было слишком пошло и скучно, чтобы понравиться Рублёву. Андрей медленно отошёл в сторону. Брезгливо сплюнул в раскисшую под ногами грязь. Процедил сквозь зубы:

– Нет, эта игра мне не нравится...

Но уйти незаметно у наследника престола не получилось. Внезапный удар резиновой дубинкой по затылку оглушил его. Тело Рублёва, как мешок, безвольно упало на землю. Руки полицейских схватили его за шиворот и поволокли. «Этот тоже англ, – шептали они. – Или лазутчик. Одет хорошо, за всем выглядывает. Небось, атлантисты его к нам заслали, узнать о нас всё... Иначе зачем бы нам приказали его хватать? Он человек опасный, дело ясное»...

ПРИПАДОК ЗДРАВОМЫСЛИЯ

Долгое время Андрей лежал без движения, уткнувшись лицом во что-то мягкое и тёплое. Сквозь забытьё он ощущал только головную боль – сначала еле заметную, потом всё более сильную, потом – нестерпимую. Когда ему начало казаться, что голова вот-вот развалится на куски, он поднял голову и попытался сесть и открыть глаза.

Вокруг него было темно. Под ногами лежал ворох соломы. На ощупь Андрей определил, что находится в круглой каменной камере. Тишина и темнота стояли вокруг, как пуленепробиваемые стены. Рядом не было никого, с кем можно было бы поговорить, раскрыть душу... Мрак, тишина, холод.

В голове роились мысли: как это произошло? Он вроде в тюрьме... Какие враги могли добиваться этого? Вроде у него и врагов-то и не было...

Может, дело в наследстве? В том Живом Золоте, которое ему должно было достаться?

Кто-то из верхов решил наследство у него отобрать?

Но кто?...

Или он испытания не вынес? Три испытания: любовью, свободой и славой... «Если вы их не выдержите, вы умрёте», – прошелестел в памяти быстрый голос Галяндаева...

Ах ты, карлик проклятый! Так бы твои волосёнки жёлтые и выдрал, попадись мне только!

Но что теперь делать?...

Андрей попытался пошевелиться – но нет, в яйцеобразной камере нельзя было ни стоять, ни лежать, – только сидеть, согнувшись, на соломе. Несколько часов Рублёв сидел, почти не меняя позы, ворочая в голове одни и те же мысли. Без конца, без конца... Затем усталость взяла своё. Андрей опустил голову на руки и захрапел.

Ему снилось, что он находится в темном и глухом помещении. Из темноты доносилась невыносимая вонь. Отдалённо был слышен шорох – наверное, крысы... Что это? Ад? «Свидригайловская» такая вечность, неопрятная и вязкая? Или он уже в гробу? Точно: в памяти начали всплывать зал суда, решетка, речи обвинителя, приговор, стук молотка... Рублёв приговорён. Его похоронили заживо. В каменном гробу. Вот оно, светлое будущее!

Камень... Камень... Камень. Ничего, кроме холодных камней, вокруг. Каменный холод, каменная тишина... И сам Андрей каменеет... Ступни и икры ног уже затекли настолько, что он их не чувствует... Скоро станет камнем, как эти, из которых стены сложены... А что, если кирпичи, из которых тюрьма сложено, – это души тех, кто окаменел здесь?

– Ду-у-ши! Ау-у!... Камень, камень, камень!... Не хочу! Не буду! У-у-ууу!

Андрей начал стучать в стены, орать, выковыривать камни, срывая ногти... Никто не слышал его. Хотя Сервет, Сервантес, Достоевский и прочие, наверное, были где-то рядом... Одиночество уничтожает расстояния, все одиночки вместе живут в одном большом одиночестве... Возможно, Андрей мог бы перестукиваться с Джордано Бруно. А он бы ответил? Нет, наверное...

Вот и всё. Всё лишнее, наносное, – имя, лицо, дружба, вражда, – вырваны из жизни. Рублёв теперь один. Как Бог. У него есть только тело, только душа, камень и глоток воздуха... Как много!

Всюду жизнь – и в тюрьме, и в дворце, и в аду. Всяду он, Рублёв! Он сейчас словно стоит на высокой горе, где всё земное исчезает, тает в синеватой дымке внизу... и никто не видит его... и он не видит никого... никого, кроме Бога. Один Бог и один человек... Это уже большинство.

Ничего, кроме Жизни. Никого, кроме Бога. Вот круг, в который Андрей заключен! Он может странствовать по мирам, не вставая...

А? Чьи это голоса? Кто-то плачет... Он сам? Свет какой-то...

Больно, больно... Башка раскалывается...

Но это пустяки. Андрей – один. Он – первый в своем мире. И единственный. Адам своей судьбы.

Вот он уснёт... а когда проснётся, увидит райский сад и рядом – Еву с яблоком.

Андрей закрыл глаза. Под тяжестью век мерцало розовое сияние. Из него возникали лица, добрые и милые лица... Они теснились вокруг, смотрели с изумлением... Кто они? Откуда?

Андрей открыл глаза, огляделся – и понял, что лежит на шезлонге у моря, по-видимому, где-то в тропиках. Вокруг него – друзья: Вадим, Глеб, Малицкая, Майя... Только Ольги почему-то нет...

Друзья толпятся и нервно бормочут: «Солнечный удар... Перегрелся... Что делать... Это не опасно... Вот-вот, он оживает... Вот, смотри...» Андрей протянул руку. Майя – тонкое лицо, узкие глаза, улыбка в пол-лица – осторожно взяла ее. «Наконец-то ты очнулся», – сказала она...

Вот это да! Неужели и суд, и тюрьма, и вся эта философия – просто бред? Бред от перегрева на солнце? Весело... Надо будет с этим разобраться... может, написать об этом... но это потом. Потом! Сейчас Андрей встанет и пойдёт домой. Его дом ведь рядом, вот он, на пригорке стоит.

Красивый дом. Картины на стенах, антикварная мебель. За окном – парк, за которым ухаживает целая армия садовников. На столе – шампанское и белужья икра. Не моховые, настоящие! Как у коронованных особ... Всё дышит счастьем и полнотой жизни...

Но Андрею что-то неохота смеяться. После того, что ему приснилось, вся эта роскошь кажется миражом. Зыбким и ненужным. Улыбка Майи, её глаза, ладонь в перчатке в руке Андрея – всё это такое фальшивое, ненастоящее... Как там Фауст говорил: «Остановись, мгновение, ты прекрасно»? Зря. Если оно остановится, оно станет скучным.

«Сядь... Тебе что, тяжело? Вот, лекарство прими, – шепнула Берг. – Уснёшь ненадолго, зато потом всё как рукой снимет...» Андрей согласился.

Итак, лекарство выпито. Андрей лежит на белоснежной постели и медленно засыпает. Кровать плывёт куда-то, летит в пространстве, словно ковёр-самолет... Летит, летит... Какой-то жёсткой она становится, неудобной... Что это? Он лежит на тюремных нарах! Опять?... Он что, всё время находился здесь, в предварилровке, и ему всё это снилось – ад и рай? Андрей проваливался из сна в сон, из жизни в жизнь... там было всё –и слава, и позор, и богатство, и нищета, и свобода, и рабство... И всё это было одно и то же...

– Что разоспался? Вставай, Рубль, вылезай из камеры! Кончилось твоё время... Тебя переводят во дворец! – раздался где-то сверху грубый окрик. В камеру хлынул свет – ослепительно яркий. Чьи-то руки схватили Андрея подмышки и потащили наверх.

Что-то там, наверху, ждало его? Неизвестно. Но страха Андрей не чувствовал: после этих снов он был готов был ко всему.

ДОПРОС В ЗЕРКАЛЬНОМ ЗАЛЕ

(Из записок Андрея Рублёва)

Два молчаливых сотрудника Ареопага взяли меня под руки и повели куда-то по длинному изогнутому коридору, наполовину погружённому во тьму. Когда мои глаза привыкли к темноте, я увидел, что с двух сторон коридора стоят люди в военной форме, – похоже, солдаты, и у каждого из солдат в руках есть винтовка.

Как только я приближался к очередному солдату, тот заряжал винтовку и целился неудавшемуся мне прямо в висок. И – опускал винтовку, видя, что я прохожу мимо.

Холодный блеск поднимающегося ствола... Взлёт курков... Взгляд чёрного дула... Напряжённая, злая, вибрирующая тишина... Путь сквозь строй по лабиринту длился около часа. Все это время перед моими глазами мелькали дула ружей, целящиеся в меня.

Один солдат даже улыбался, поднимая ружье. Во рту его поблёскивал вставной золотой зуб. Другой солдат, наоборот, смотрел на меня с полными тоски глазами, словно жалея молодого человека.

«Что это такое? Издевательство? Или казнь? – проплывали мысли в моём мозгу. – Ведь любой может пальнуть в меня... Выстрелит? Или нет? И сколько это будет длиться? И что... что ждёт меня в конце пути? А?... Чёрт знает что».

Моё сердце трепыхалось... Но солдаты опускали ружья, как только я проходил мимо. А путь по коридорам всё не заканчивался...

Наконец, после часа мытарств сотрудники Ареопага привели меня в большой зал, где все стены были увешаны зеркалами, – маленькими, квадратными, расположенными под разным углом друг к другу.

В каждом из этих зеркал я видел своё лицо, при этом у каждого отражения был явно свой, непохожий на других характер. Один из зеркальных Рублёвых имел молитвенно-возвышенное выражение лица, другой – лукавое и азартное, как во время игры, третий – весёлое, разгоряченное, со хмельком в глазах. Ещё один зазеркальный Андрей был непричёсан и лохмат, нос его был измазан чернилами. Отражения перемигивались, делали друг другу знаки, ссорились и мирились – по их выражениям было видно, кто с кем дружен, а кто с кем нет.

В зеркалах не отражались только трое людей в чёрных мантиях, сидевших за столом в середине зала. «По-видимому, это судьи», – догадался я. – «Они будут решать, что со мной делать. Ну, пусть решают».

После всего пережитого я проникся каким-то равнодушием к своей судьбе. На свою жизнь я теперь смотрел словно со стороны. То, коронуют меня или казнят, было мне интересно только как следующий этап сюжета. Отчаяние моё постепенно превратилось в отстранение, а затем – в художественную зоркость. Мне казалось, что, если меня поведут на казнь, я вполне смогу считать пуговицы на одежде своего палача...

Я сидел на круглом стульчике напротив судей и молчал. Судьи молчали тоже. Первый из них, грузный широкоплечий мужчина лет шестидесяти, с горбатым носом, тяжёлым подбородком и маленькими заплывшими глазками, бросал быстрые взгляды на подсудимого и на своих коллег. Чувствовалось, что он почему-то сильно нервничает. Его тоненькие усики и эспаньолка, комично смотревшиеся на широком лице, постоянно подрагивали.

Второй судья, невысокий коренастый мужичок лет сорока, имел такое выражение лица, как будто у него сильно испорчено пищеварение. Длинный узкий нос его растерянно болтался в пространстве: судья словно клевал им невидимое зерно. В коротких жилисты-х пальцах он терзал измочаленный полосатый платочек.

Третий сидевший за столом – длинный старичок с большими залысинами на седой голове – напоминал штопор, только что вытащенный из пробки. На его вытянутой физиономии проступали тёмные пятна странного фиолетового оттенка, – возможно, аллергические. Мантия его тоже была покрыта сальными пятнами.

Несколько минут растерянные судьи и отрешившийся от всего земного наследник престола молча буравили друг друга глазами. Потом я понял, что разговор предстоит начать мне – дабы мои судьи не разгноились окончательно.

– Ну что? Здравствуйте, господа! – сухо произнёс я. – Вы – судьи, как я понимаю... Судя по костюмам...

– Да-да-да, – зачастил первый судья. Он говорил быстро, глухо, тихо. Его речь по звуку напоминала стук пересыпающегося гороха. – Да-да-да.

– Тогда назовите себя, а то – вы меня, судя по всему, знаете, а я вас – нет... – предложил я.

– Да-да. Да-давайте представимся. Мангольд, Иван Иванович, – протараторил первый судья.

– Руслан, Пётр Аркадьевич, – медленно выговорил второй.

– Минус, Лев Николаевич, – отчеканил третий. – Мы – судьи Ареопага Срединного царства. Мы должны решить вопрос о вашей пригодности к правлению...

– Вы, надеюсь, извините нас за наше волнение, – чуть заикаясь, подхватил Мангольд. – Наша собственная с-судьба зависит от верности нашего р-решения. Если мы неверно определим ваши качества, если коронуем непригодного человека или казним нужного, нас самих к-казнят. Поэтому попрошу б-быть с нами максимально честным и прямо отвечать на наши в-вопросы.

– Никогда ещё мы не решали вопросов такой важности, – проговорил Руслан, поднося к уголку глаза платочек. – Сейчас от нас зависит судьба империи. Поэтому просим вас: не лицемерьте, говорите нам только правду.

– А если вы солжётё, – твёрдо заявил Минус, – ваш стульчик ударит вас электрическим током в самое ценное место. В сидение встроена новейший детектор лжи, определяющий честность допрашиваемого по движениям и температуре ягодиц – ничто не отражает нашу искренность так, как эта часть тела... Да, забыл добавить: если вы будете постоянно говорить правду, вам станет очень... ммм... приятно. Ну, ладно. Приступим?

Я заёрзал на стуле. В голове мелькали быстрые мысли: «Сбежать? Но куда? Разве это возможно? В этом лабиринте всё равно поймают. Потом только хуже будет... Лучше седалищный нерв побеспокоить, чем головы лишиться. Да. Буду отвечать». Мне захотелось

поиграть с этими трусливыми судьями в их же игру, – помучить их правдой, которой они от меня требуют. Вряд ли за это развлечение мне что-то светило... Не те люди.

– Приступим, – сказал я, минуту помешкав. – Кто начинает допрос?

Первым начал задавать вопросы Мангольд. Он говорил, ёрзая на стуле, при этом его лицо не имело своего выражения, копируя мимику то правого, то левого соседа. Когда у Руслана начинало дёргаться веко, то же самое происходило и у Мангольда; когда пятнистый Минус угрюмо опускал голову вниз, к бумагам, центральный судья так же сутулился. Было видно, что он играет в этом деле ключевую роль.

Иван Иванович не сразу начал говорить. Сначала из его утробы донёлся зловещий гул, затем задрожал его третий подбородок, потом зашевелился второй, и только после этого толстые лиловые губы задали вопрос.

Этим вопросом было:

– П-подследственный! Что стало п-причиной вашего согласия на в-власть?

– Трудно сказать... – протянул я. – Много причин. И прежде всего – игра. Я человек азартный. Я жизнь измеряю не в длину, а в глубину. Чем глубже чувства, тем насыщеннее жизнь... угу... А игра, в которой ставка – либо смерть, либо власть над страной, – она позволяет очень много почувствовать, пережить, понять... Скорее всего, это. Корыстного интереса к власти у меня нет, – чисто спортивный. Вот так вот...

Я почувствовал, как сиденье стула подо мной нагрелось, стало мягче, приятнее. Показалось даже, что оно шевелится, массируя мне седалище и прилегающие органы. Я хмыкнул: это было забавно... У создателей этого устройства явно было неплохое чувство юмора.

– Кандидат сказал п-правду, – чуть поёрзав, произнёс Мангольд. – Ваш вопрос, П-пётр Аркадьевич...

Право слова перешло к Руслану. Он уже давно сидел, периодически вытирая полосатым платочком крокодиловы слёзы, – видно было, что вопрос он задаст невесёлый.

– Скажите, Андрей Тимофеич, – всхлипнул он. – Вы ведь знаете, что, если вы не пройдёте испытания, вы погибнете... Разве вам не страшно? Разве вы не боитесь пыток, истязаний... гибели? Жизнь ведь все любят...

– Если честно – боюсь, – после некоторых раздумий сказал я. – Умирать всем страшно. Никто этого не хочет... Страшно это, страшно... и хорошо. Адреналин такой выделяется от игры со смертью... Этим ведь я себя равным богам делаю. «Власть имею принять жизнь сию и власть имею отдать её» – помните? Вот и я так же... А пытки я все перенёс, когда с прошлым в архиве воевал. Когда подноготную истории изучал... Вся душа перегорела от этого. Как подумаешь, сколько подлости люди творили, великие люди, а никто об этом и не знает... Так что небытие меня бы даже успокоило.

– Смелый мальчик... – всхлипнул Руслан. – А не боитесь, что мы вас изнутри погубим? Что мы душу вашу развратим – властью, войнами, казнями?

– Я об этом думал, – тихо произнёс я. – Но решил, что это не опасно. Если я сам себя не сломал, меня уже никто не сломает...

Руслан что-то записал в свои бумаги. Стул подо мной завибрировал сильнее, от него начал исходить тонкий дурманящий аромат. Голова моя чуть закружилась, я ощутил приятную расслабленность... Умеют же изобретать такие штуки, черти!

Право допросить меня перешло к Минусу. Лев Николаевич, низенький, лысенький, с несимпатичным лицом, покрытым пятнами, не сразу начал говорить. Некоторое время он просто жевал воздух губами.

– Чего вы ждёте от власти? – глухо пророкотал он наконец.

– Я хочу принести пользу. Меня всегда мучило то, что я на земле вроде как чужой. А хочу быть нужным – для всех... Для всей страны... Чтобы в меру сил влиять на людей. Разумеется, в лучшую сторону, – тут я слегка улыбнулся.

Мои ягодицы ощутимо затрепетали – это значило, что я сказал правду. Пятнистое лицо Минуса изобразило нечто напоминающее усмешку.

– Нет, Андрей Тимофеевич. Полезным вы на своём посту не станете. Для вас имеется более любопытная вакансия в новом небе и новой земле. Вакансия лишнего человека. Император должен стать лишним человеком – чтобы власть передать свите. Это так обременительно – перестраивать всё в стране каждые четверть века, с каждым новым государем... А при единой власти свиты в государстве наступит стабильность. Как у атлантистов – у них никому не важно, кто правит, потому что правят все... Не обидно так?

Я почувствовал, как у меня дёрнулись губы. Но я старался сохранять спокойствие.

– Что же... – начал я. – Я и предполагал, что просто так неподготовленного человека царём не выберут... Вам моя слабость нужна, а не сила. Ну и что, мне быть слабым, лишним, как вы

говорите, – не привыкать. У нас ведь каждый человек в определённом смысле лишний. Все всем лишние... Вот мы и мучаемся. Знаем, что так жить нельзя, а живём...

Подогрев снизу усилился. Подбородок Минуса расцвёл.

– А вы и правда хорошая кандидатура, – выговорил он. – Кроткая, тишайшая... Кроткие сердцем унаследуют землю – слышали? Это про вас...

– Да, да, слышал... – усмехнулся я. – Только я это себе представляю вовсе не идиллически. Кроткие сердцем землю унаследуют... и всех, кто не с ними, в землю-то и закопают. Да ещё и плоской планету сделают, чтобы ровно, кротко и справедливо всё было.

– А вы шутник, – невесело усмехнулся Лев Николаевич. – Вы тихий, но со своим мнением... Может, и опасным когда-нибудь станете... Я ведь замечал давно, что вчерашняя жертва – отменный палач. Это любой судья знает...

– Помню эти слова, – возразил я. – Поэт какой-то сказал, средневековый ещё... Ну да бог с ней, с поэзией. Меня ваши слова на другой вопрос навели. Наше людоедское человеколюбие – это не взорвавшееся ли на атомы Евангелие? Наше зло – не добро ли это, вывернутое наизнанку? Знаешь, как перчатку вывернули: ткань та же, форма та же, только всё наоборот... Вот это и значит: зло есть добро, добро есть зло... Правду старик Шекспир говорил, глу-бо-чай-шую!

– Может, может... – встрял Руслан, увлечшись беседой. – Ад и рай – это одно и то же. Как одна перчатка с лица и изнанки... И там и там люди себя понимать начинают. Только кому-то от этого больно, а кому-то – сладко... Причём всё зависит от чувствительности, а не от праведности. Вот оно, бессмертие. И Страшный Суд не нужен – каждый сам себе грех, каждый сам себе приговор.

– Да, если уж продолжать богословствовать – скажу ещё фразочку одну, – увлёкся я. – Насчёт Суда и конца времён... Две тыщи лет люди антихриста ждали. А он, как и царство Божие, внутри них, внутри каждого, явился. Ведь посуды, кто такой Антихрист? Да все мы. Всё человечество. Для того, может, и созданы.

– Смело вы мыслите, с-слишком смело, – угрюмо заявил Мангольд, елозя волосатой ладонью по судейскому столу. – Таких не любят. Если все так, как вы, будут мыслить, то скоро наступит, наконец, братское слияние всех людей в едином к-котле преисподней!... Вы этого хотите? Этого, да? Признайтесь!

– Признайтесь, Рублёв! – в один голос завопили Руслан и Минус. – Иначе – зачем вам власть? Зачем вам живое золото? Вы эксперимент хотите провести над людьми – испытание истиной. Только не все эксперименты оправданы, за некоторые можно и погибнуть!... Вы это понимаете?

– Я понимаю, что я ничего не понимаю, – увернулся от ответа я. В этот момент мне было уже всё равно, чем кончится философский суд, – чувство блаженства от теплового массажа нижней части моего тела переполняло меня, и я еле удерживался, чтобы не завопить...

– Эх, да ничего он не понимает. Умный слишком, чтобы что-то понимать, – Минус надул толстые губы и махнул рукой в воздухе. – Уединимся, обсудим, что с ним делать.

На стол, за которым сидели судьи, опустился прозрачный колпак. За ним я не мог слышать, о чём спорят эти трое, но прекрасно видел их оживлённую мимику и жесты. Впрочем, гораздо более меня интересовали мои отражения в зеркалах на стенах зала. Их выражения активно спорили друг с другом, словно передавая разные стороны моей души. А познать себя – это так интересно... и рискованно... и азартно...

Я увлёкся слезкой за моими душами. Одна душа была явно растеряна и обессилена свалившимися на неё испытаниями. Другая, воинственная, угрюмо молчала и собирала силы для продолжения борьбы. Третья отстранённо следила за происходившим со мной, интересуясь только тем, чем закончится эта причудливая история. Четвёртая готова была расхохотаться в лицо судьям, показать им, что она их не боится и презирает... Другие души, столпившись на пяточке пространства моей жизни, толкались и огрызались, мешая друг другу выслушивать приговор. Единства между их бесчисленным количеством не было.

Тем временем колпак над столом судей поднялся, и странная тройца, не посоветовавшись, в унисон, тонким чужим голосом объявила свой вердикт:

– Подсудимый Рублёв! В ваших ответах не найдено ни правоты, ни явных заблуждений. Для выяснения вашей участи мы вынуждены прибегнуть к следственному эксперименту. Вы будете изолированы от внешнего мира во внутренних покоях Хрустального дворца. Там вас ещё несколько раз подвергнут испытаниям. От того, как вы их пройдёте, будет зависеть ваша будущая судьба и жизнь.

Хрустальный дворец! Это интересно...

Там, в самом сердце Острога, последние семьдесят лет жили Распутины. Мне тоже предстоит побывать там...

Сколько новых впечатлений, чувств, мыслей я оттуда вынесу! Какое приключение мне предстоит!

Судьба явно благоволит мне. Бог любит меня.

«МОЛЧИ, ЖИВОТНОЕ!»

Хрустальный дворец, издали казавшийся ледяным, был воздвигнут на болоте, в одном из бесчисленных небоскрёбных районов (в народе – небоскрёбников), которые часто строились для элиты Срединной империи. Небоскрёбы в таких районах соседствовали с бараками, массово строившимися для англов-беженцев. Жителям бараков вход в небоскрёбы был строго запрещён – под угрозой химического испепеления. Спокойствие национальной элиты охранялось в высшей степени тщательно.

Стены Хрустального дворца были прозрачны, но увидеть что-то сквозь них было практически невозможно: одно зеркало отражалось в другом, и бесконечное искажение отражений создавало особый вид перспективы, в которой пространство представало игрой светящихся искр. Сначала голова у Андрея кружилась от этой мерцающей зыби, но со временем человек привыкает ко всему, и Рублёв приспособился к новому месту своих испытаний.

Комната во дворце Андрею досталась весьма уютная. Вдоль прозрачных стен стояли зеркальные шкафы, на полу лежали ковры, украшенные голографическими узорами. На новеньком столике в углу лежали свежие газеты. Одну из стен занимал большой экран с трёхмерным изображением, управлявшийся голосовыми приказами.

Комната Рублёва была умной – каждая вещь в ней обладала электронным разумом. Андрей снял пиджак, и умная одежда сама на гравитационных волнах отлетела к шкафу, повисла на вешалке и закрыла за собой дверь мягким рукавом. В случае необходимости экзоскелетные костюмы XXI века вполне могли передвигаться без человека внутри и даже выполнять за хозяина домашнюю работу – прибираться, например.

На всех предметах были прикреплены ярлыки – электронные таблички с надписями. Ярлык управлял предметом: надпись, которую можно было изменить, определяла состояние вещи.

В центре камеры, на столе, стоял чёрный шар с табличкой. Стоило переписать надпись на ней, как шар превращался в предмет, название которого на нём было написано.

Андрей написал маркером на табличке: «Ужин». Тотчас же методом трехмерной печати из тонкой моховой нити перед ним были сработаны поднос и тарелки с синтетическим зелёным мясом, синтетическим виноградом, хлебом, а также большой кувшин неплохого вина из лишайников.

Поужинав, пленник Хрустального дворца отправил свой экзоскелет мыть посуду. Когда ожившая одежда протопала к посудомойке и начала погружать в неё тарелки, в комнате неожиданно раздалось рычание:

– Р-р-р-р...

«Кто это?» – удивлённо оглянулся по сторонам Андрей. Но никого, кто мог бы рычать, не увидел.

А рычание продолжалось, принимая всё более осмысленные, членораздельные формы:

– ...Р-р-р-р-р-аз, два – и запачкали посуду... А нам – мой... Ходят тут всякие, ходют, ковры пачкают, посуду грязнят, а нам, вещам, за ними вытирать... Р-р-р-р-гхмм... Гррррзяи сколько прразвелось...

Прозрачная стена перед Андреем раздвинулась, и из проёма вышел тигр – большой, вальяжный, с меланхолическим выражением морды.

– Эмпедокл-М-121, – уныло представился он. – Ррррробот девятого поколения.

Прррриставлен к вам в качестве пррррислуги. Прррраспоряжайтесь, как хотите. Гхххмммм....

– Тигр? – удивлённо проговорил Рублёв. – Забавно... Другого робота мне, что ли, дать не могли? Человекообразного, например?

– Это не я ррррешаю, – пробурчал тигр. – Обрррращайтесь к Саррррторриусу. А мне рррработать надо, а не ррррасуждать. Гхххмммм.... Прррриказывайте...

Морда тигра, произносившего эти слова, словно говорила: «Знаете ли вы, как мне осточертела эта роль прислуги!» Даже тонкие усы топорщились как-то недовольно.

– Да ничего я не буду тебе приказывать. Иди, отдохай, животное, – рассмеялся Андрей.

– Вот, рррработы не дали и ещё оскоррррили, – угрюмо заметил тигр. – когда ещё люди за рррразум возьмутся... Гхххмммм... Ррррробот я, а не животное. Когда вы, люди, это урррразумеете...

Виляя грузным хвостатым задом, тигр медленно поплёлся в свою комнату за зеркальной стеной. У дверей он попытался было поднять лапу, но сверху раздался хриплый оклик:

– Эмпедокл! Как ты себя ведёшь? Хозяин тебя пожалел, отпустил, а ты безобразничаешь!

Тигр сразу присмирел, поджал хвост и посмотрел куда-то вверх. Андрей направил взгляд туда же. Под потолком, рядом с красивой золотой клеткой, парил на цветастых крыльях большой попугай с радужным хвостом и красно-синим хохолком.

– Позвольте представиться, Сарториус, – гортанно прокричал он. – Рробот одиннадцатого поколения. Министр императорского двора. Рраспорядитель ваших покоев.

– Вот это славно, – улыбнулся Рублёв. – Тигр-мизантроп и попугай-министр. Да тут у вас зверинец, как я вижу... Кто-то очень весёлый эти покои создавал.

– Император Грригорий Пятый, – поддакнул попугай. – При нём и я был сконструирован. В меня мозги его первого министра пересадили... Потому я и занимаю высокую должность.

– Высокая должность – в клетке золотой сидеть. Выше некуда, – пробурчал в усы тигр.

Сарториус это услышал.

– Ты, животное, поменьше огрызайся, побольше рработай. Если бы не я, вврряд ли бы ты эти покои к прибытию гостя в поррядок пррривёл. Лентяй ты, Эмпедокл!

– Я не лентяй, я философ, – огрызнулся тигр. – Я потому ленюсь, что смысла в работе не вижу. Возишься всё, трррудишься, силы тррратишь, а потом всё ррушится... Гххмм... Всё зррря. Всё суета сует. Англи вот трррудились, на полмирра имперррию создали, а германцы по ним жажнули – и всё, нет нарррода... Только три-четыре грруппки, как цыгане, по нашим краям кочуют до воровством пррромышляют. Я ведь англами создан, их коррролеве служил... А теперь – здесь, в Остроге, хвост протиррраю... Гхххмм... Чему мне радоваться? Всё суета... кроме меня.

– Ты перестань философствовать, животное, а то я тебе ток отключу, – пригрозил попугай. – Я кнопку на пульте нажму – и станешь ты грудой металла... Хочешь этого?

– Нет, нет, – тигр поджал хвост.

– Или я тебя англам твоим отдам, будешь с ними по деревням ходить, трюки показывать... Хочешь? – продолжал пугать Сарториус.

– Не надо... И-и-и-и... – Эмпедокл неожиданно заскулил, как комар. – Я всё... Я всё сделаю... И-и-и-и...

– Пока делать тебе нечего. Сиди у себя в гараже и не шали. Хозяин твой пока не освоился тут, но со временем научится – подход к тебе найдёт... Вы его не бойтесь, – обратился попугай к Рублёву. – Он только с новичками такой дерзкий. Вы его припугните, он сразу хвост подожмёт и будет как шёлковый. С ними надо построже... Эй, эй! Молчи, животное! И – не смей поднимать лапу! А то хвост отключу! Домой, домой... в гараж!

Присмиривший и окончательно опозоренный тигр заскулил и медленно поковылял в дверной проём, за которым, по-видимому, и находилось помещение, звавшееся гаражом.

– А у вас тут весело, – улыбнулся Рублёв, как только стеклянные двери закрылись за тигриным хвостом. – Я, если честно, такого не ожидал...

– Этого мало кто ожидает, – кивнул хохолком попугай, примостившись на спинку кресла Андрея. – Другие, те, что до вас здесь были, ещё больше удивлялись...

– А что, и другие были? – удивился Андрей.

– Были, были... Человек тридцать, не меньше. Много кто на царя экзамены сдавал...

– И что они? Не сдали? – мгновенно посерьёзнев, спросил Рублёв.

– Ну да. Их тела на живое золото пошли. А что – жить по-прежнему им нельзя, слишком много знают. В государственных делах от них проку никакого. Вот и пускаем их на производство...

Попугай легкомысленно помахал крылышком.

– Что это ты так спокойно говоришь? – рассердился Андрей. – Тебе что, всё равно, что люди погибли? И моя жизнь тебе тоже по барабану? Да?

– Почему же, почему же... – затараторил Сарториус. – Я как министр хочу, чтобы империей правил человек достойный. И за вашу победу всей душой болею. Но, если вы не справитесь... не сердчайте тогда. Слабых жалеть нельзя. Плохих царей всегда убивали... Туда им и дорога... Но, если вы победите, я буду только рад!

– Ну ты и сволочь! – Андрей дёрнул Сарториуса за хвост, вырвав из него несколько ярко-радужных перьев. Сарториус молча вспорхнул под потолок, уронив на плечо Андрея ярко-белую каплю, и уселся в своей клетке – абсолютно спокойный.

– Эй, ты, курица! Тебе говорю! Ты что, не видишь, что я тебя ощипал? Ты не злишься? – заорал Рублёв, вне себя от злости.

– Я машина. Я злиться не умею. И сейчас – мне больно, да. Но я не злюсь. Я на это не запрограммирован. А у вас своя программа. Вы злиться можете. И первый экзамен сдали... Поздррравляю...

– Тьфу! – Андрей зло сплюнул на пол. – Ну и в переплёт я попал... Правильно говорил отец, не лезь ты во власть... Тьфу!

– Может, хотите чаю, ваше величество? – залебезил попугай. – Или настоечки моховой? Сейчас прикажу подать...

– Да ну тебя! Оставь меня в покое... Совсем, совсем! – наследник зло махнул рукой. Попугай всё понял и молча улетел – не в клетку, а в проём, открывшийся в стене.

Андрей грубо ругнулся и, не раздеваясь, завалился на роскошную царскую кровать.

Сон – мёртвый, без сновидений – пришёл к нему почти сразу.

КОРОЛЬ И ФЕРЗЬ

Утром, когда только что проснувшийся Андрей готовился позавтракать, в дверь его комнаты постучали. Рублёв отворил дверь, и к нему вошёл симпатичный толстячок небольшого роста, с круглой, лысой, похожей на пушечное ядро головой.

– Ферзь, Алексей Иванович, – представился он. – Охранник ваш. Приставлен хранить ваш покой. Многих охранял уже здесь, весьма многих... Не все выжили потом... Трудные предстоят вам испытания, трудные.

Левое веко толстячка чуть-чуть подёргивалось. Видно было, что он переживает.

– Значит, немало таких кандидатов, как я, погибло?... – Рублёв задумчиво покачал головой.

– И что, не жалко нас?

– Жалко вас, болезных, а что поделаешь... – Алексей Иванович наклонил голову. – Кому-то надо такую пытку перенести, может, кто из вас и вынесет испытания... И страну выгащит... А погибших всё равно жалко. И сказать тут нечего, и сделать нечего... Увы...

– Конечно, мне не позавидуешь, – меланхолично кивнул Андрей. – Я сначала, когда соглашался на эксперимент, не понимал, чем рискую... Тут вся душа сгорит, пока до конца испытаний дойдёшь. Но тебе-то, поди, ещё хуже. Я-то в своих цепях томлюсь, а ты чужими – моими – отягощен...

– Что? – при этих словах крепыш встрепенулся, словно выйдя из задумчивости. – Да-да... Вот по этому поводу я и пришёл. Сказать кое-что хочу. Но не здесь. Выйдемте из комнаты... Здесь нас могут прослушивать...

Левое веко Ферзя задёргалось ещё сильнее. Андрей уже приблизительно понял, о чём пойдёт речь за дверями и как надо себя вести. Собеседники вышли в коридор и продолжили беседу шёпотом.

– Что вы хотели сказать? – сухо спросил наследник.

– Да так... только то, что вы... не выживете... Скорее всего...

– И что? Что нового вы сказали? Я сам давно понял, во что вляпался... Ещё когда в яйце сидел...

– Тогда... это... бежать не хочешь? – вдруг выпалил Ферзь, хитро поблёскивая маленькими глазками. – Бежать! Я бы мог... это самое... помочь... Ну, спасти тебя мог бы, понимаешь?

«К чему это он? Разве отсюда убежишь? Нет, он это неспроста... Хитрец!...» – пронеслось в мозгу Рублёва.

– Нет... – проговорил он, догадываясь о возможной провокации. – Я, знаешь ли, человек азартный. Не мне игру прерывать на середине, если её ещё выиграть можно... Я до конца поборюсь. Может, царём стану. Чем чёрт не шутит... А вам за попытку вызволить меня – спасибо. Я этого не забуду...

– Странный вы человек, – покачал головой Ферзь. – Любой бы на вашем месте сбежал... А вы ради власти смерти не боитесь. Может, и правда – вы для неё и рождены?

– Нет, нет, – улыбнулся Андрей, выглядывая, не подслушивает ли их кто за углом. – Я просто игрок. Мне охота посмотреть, чем закончится эта партия... А властью, как и жизнью, я не особенно дорожу. Я ведь, знаете, никого и ничего в этом мире не люблю, неспособен я на это чувство. Меня на земле ничто не держит... кроме разума, который привык распутывать сложные узелки. Для этого я в архив устроился, с прошлым работать, истину искать. А тут – те же поиски, только с большей остротой... Этот узел, узел власти – его мне очень охота развязать. Понять, в чём его секреты... Это дело чести. Понимаете?

– Тут мало что поймёшь, – недоумённо протянул Алексей Иванович. – Но поперёк вашей воле я не пойду. Продолжайте свою... партию. Идите домой и никого не ждите... Вы свою судьбу выбрали, и это уже хорошо. А правилен ли ваш выбор – этого никто не знает. Даже вы сами... А я откланиваюсь, откланиваюсь.

Отвешивая подобострастные поклоны, толстячок задом наперёд засеменял по коридору. Андрей подождал, пока он скроется из вида, улыбнулся и покрутил пальцем у виска. И направился к распахнутым дверям своей комнаты.

ЭКСПЕРИМЕНТ НА ЧЕЛОВЕЧЕСКОМ СЕРДЦЕ

В комнате было темно: после наступления планетарной осени светать стало поздно. Андрей закрыл дверь, подошёл в темноте к окну, молча закурил.

Было тихо, – Эмпедокл и Сарториус явно отсутствовали. «Наверно, их вызвали куда-то... Мало ли что...» – подумал Рублёв. Продвигаясь наощупь к выключателю света, он неожиданно наткнулся на что-то тёплое и живое.

– Ой! Кто это? – вырвалось у него.

– Не бойся... Это я, я... – свет в комнате зажёгся, и Андрей увидел Казарскую.

Художница сидела в его кресле, положив ногу на ногу. Она накинула на плечи его пиджак и смотрела на хозяина неподвижными египетскими глазами. Узкое лицо гостьи казалось особенно смуглым, словно обугленным. Она медленно покусывала нижнюю губу.

– Ты что? Ты как здесь? Как пробралась? – Рублёв оторопел, не ожидая увидеть школьную подругу в своём заточении.

– Да у меня тут свои люди есть... Глебка, Вадимка и прочие... – быстро проговорила Валерия, словно оправдываясь. – Да неважно это. Я не зря здесь... Я одно тебе одно хочу сказать... Самое важное...

– Что? Что? – голова Рублёва шла по кругу.

– А то... Тебя казнить хотят. Ты им – *им*, понимаешь? – неугоден.

– Почему это? Сами меня избирали... Почему так?

– А потому. Чертоворот в природе начался великий. Старцы из Ареопага из ума выжили...

Как Григорий последний умер, так у нас всё перевернулось... и не хочет укладываться.

Не произнося ни слова, Андрей нервно побарабанил пальцами по столу. Сплюнул. Выбросил непотухшую сигарету в окно. Тут же закурил вторую – зажечь её удалось только с третьей попытки. На щеках пленника задвигались мускулы.

– Что ты молчишь? – почти прошептала Казарская, удивлённая его реакцией.

– Да так... – горько улыбнулся пленник. – Бог любит молчаливых. А – вообще – смешно всё это. Финита ля комедия... Чертоворот и прочее... Смешно. Так смешно, что страшно.

Еще минуту в комнате царил молчание. Потом Андрей повторил, глухо, утробным голосом:

– Всё-таки страшно. Да.

– Знаешь, есть такая легенда, – тихо заговорила Валерия, желая развеять его меланхолию. – Одного римского патриция, давно, осудили на смерть. Он боялся смерти страшно. И, чтобы его успокоить, его любовница – рабыня его – вонзила к себе в грудь кинжал и сказала: «Видишь, это совсем не больно»...

– И что ты хочешь сказать этим? – грубо прервал её Андрей. – Что ему от этого легче стало? Не думаю... или ты так же, как она, сделать хочешь? Мне от этого легче умирать не станет, уж поверь!

Лицо Андрея приняло хмурое, но величественное выражение, которое так нравилось Валерии.

– Какой ты красивый... – прошептала она. – Вот эту горькую складку у рта я у тебя и люблю... Горькую, скептическую, мудрую... Вроде и не жил ты ещё, а уже всё понял... и осудил. По-настоящему, с любовью...

Валерия обвила тонкими руками шею Андрея, прижалась своей смуглой щекой к его бледной, обросшей щетиной щеке... Она гладила его по лёгким белым волосам, по широкому лбу, проводила пальчиком по бровям – а Андрей только скептически хмурился. Но она продолжала свои ласки, и в конце концов пленник сдался, чтобы броситься в наступление.

Приступ за приступом, атака за атакой – но она была неприступна, как крепость. Стены её плоти были крепки, но с какой силой звали, влекли, привораживали Андрея её серебряные бёдра, крепкие, узкие ступни и злая, золотая орда острых, жалящих взоров! Андрей бросался на приступ снова и снова. Ветер из открытого окна, как острая сеть, вонзался в его кожу, звёзды текли по коже, как рыбёшки, трепыхаясь в сети, и небо шурило свои монгольские узкие глаза... Валерия сдавалась, – сдавалась на милость побеждённого. Кончилась война! И, как лавина – между гор, между её грудей, между бёдер колдовала, дымилась, извергалась к небу дикая, магматическая любовь.

Андрей чувствовал, что он приколдован на тёплый берег её тела от бури всея земли. Здесь и больше нигде – его пристанище, суша, место клятв, проклятий и благословления.

Он вновь и вновь припадал лицом к ней, в её укромный мрак, и целовал бьющуюся жилку над правым серебряным бедром... Поцелуи были горячими, страстными, – до боли, до крови. У крови обоих был один и тот же острый полынный привкус, один и тот же запах... И оба были не двумя – одним существом.

Чувства любовников были настолько сильны, что предметы вокруг плавилась от них. Кровать, круглый прикроватный столик, ковры, шкафы у стен – всё плыло, оседало, теряло форму, превращалось в кипящие потоки золотого оттенка, среди которых двое познавали друг друга.

Постепенно мир отступал... Андрей погружался в сон.

ПЛОСКОСТИ И ВЫПУКЛОСТИ

(Сон Андрея Рублёва)

Андрей лежал без движения, как камень в пустыне. Ему снилось, что он спешит в беспокойную, вертящуюся мглу над головой, врастает в пучину, у которой вдруг обнаруживается странный внутренний план и смысл.

Постепенно из темноты начал прорастать странный новый мир, так похожий и непохожий на окружавший Рублёва ранее... Течение сна пронесло сновидца по воздуху и поставило на ноги на небольшой плоской площадке, покрытой чем-то похожим на асфальт.

Андрей осмотрелся. Вокруг него простирался крупный современный город, с большими домами, садами, автотрассами, пешеходными тротуарами, по которым гуляли горожане.

Что это за город? Где он находится? Надо у кого-нибудь спросить... Рублёв подошёл к стоявшей неподалёку женщине с детской коляской, тронул её за плечо. Женщина обернулась... Андрей отшатнулся в ужасе: она была плоской, как вывеска. Только что на Рублёва смотрело человеческое лицо – и вот перед ним висит в воздухе узенькая вертикальная чёрточка, профиль женщины-вывески.

Андрей вскрикнул и отбежал на несколько шагов. Только теперь он заметил множество таких же вертикальных чёрточек, передвигавшихся вокруг него. Стоило поменять точку зрения – и эти линии превращались в мужчин, женщин, собак, в машины, деревья и кусты. Дома вокруг тоже были плоскими.

«Это плоский мир... Тут всё – люди, животные, предметы – картонное... Я один настоящий... Так вот какая она, загробная жизнь...», – пронеслось в голове Андрея. Он язвительно улыбнулся уголками губ: своеобразный юмор у того, кто нам такое посмертие устроил... Весело, ничего не скажешь.

Зато хоть не страшно. Раньше люди при мыслях об аде представляли себе пекло и раскаленные сковородки, а теперь – всё просто: превращаешься ты в картонку, лицо у тебя прежнее, жизнь, судя по всему, тоже, только живи плоско да не высовывайся, вот и всё наказание.

Рублёв прошёлся по бульвару, посмотрел на плоские деревья, дома, плоских детей, игравших в песочнице под плоским грибком. За углом он заметил дом, краски с которого весьма сильно облезли, – он напоминал белое пятно в неясных серых разводах. Вокруг дома слепо сновали такие же белые пятна на ножках, – видимо, его выцветшие жильцы. Время, время не щадит никого...

В конце бульвара располагалось многоэтажное здание с вывеской: «Центральная муниципальная мастерская по перекраске. Г.Плоскоград». Сквозь окна перекрасочной можно было рассмотреть, как сотрудники учреждения в чёрных костюмах стирают с новоприбывших плоскоградцев лица и одежду и рисуют новые. «Интересно, это больница или карательная организация?» – подумал Андрей, усмехаясь. – «Наверно, здесь это одно и то же... как и везде». Этот мир ему положительно нравился. Остроумно он был задуман.

Андрей наклонился, чтобы погладить девочку, игравшую в плоские куличики в песке около перекрасочной. Девочка взглянула на Рублёва – и её глаза округлились... Она шарахнулась в сторону и завопила:

– Смотрите! Он круглый! Он дви-же-т-ся-а! Он отбрасывает тень!!!

Шедшие мимо плоскоградцы – кругленький мужичок лет сорока и длинноногая девица, по-видимому, его жена, – тотчас же закричали:

– Полиция! Поли-и-ция! Па-ма-ги-и-те!!!

Из какой-то тени на углу тотчас выполз плоский человек, низенький, носатый, желтоволосый, как две капли воды похожий на Галяндаева, но в полицейской форме.

– Георгий Петрович! Вы?... – удивился Андрей.

– Я, я... Гальяндаев Г.П., лейтенант полиции города Плоскограда, – представился полицейский, приложив руку к плоской фуражке. – Если не ошибаюсь, мы где-то были знакомы?
– Да... вообще-то... – запнулся Рублёв.
– Если честно, вряд ли мы встречались. У меня объемных друзей никогда не было... Я с такими не вожусь. Только ради службы, – быстро проговорил карликовый полицейский. – Я вам сейчас объясню, – вы здесь, наверно, новичок, – за что я вас арестую...
– Меня?!! – удивился Андрей. – Георгий Петрович! За что?!! Что я не плоский?
В нескольких словах Гальяндаев объяснил Рублёву законы этого inferнального мира.
– Нет, нет. Вас арестуют не за то, что вы объемный. У вас есть провинность посерьёзнее... – тараторил он. – Понимаете, у нас давно установлен контроль за мыслями. Наш воздух, проникая в любой организм, считывает содержащуюся в нем информацию – в том числе и интеллектуальную. Она у нас подлежит госрегулированию. Слишком сильные эмоции, способные разрушить Великую Плоскость, у нас облагаются налогом. Это роскошь, которую не каждый может себе позволить... А у вас есть деньги? Наши, плоскоградские?
– Нет... вроде нет... – запнулся Рублёв. Этот мир оказался гораздо неприятнее, чем показалось ему сначала.
– Вот-вот, – зачистил слуга закона. – Вы провезли из третьего измерения в наш мир воспоминания. Они превышают допустимую меру объема. Поэтому вы приговариваетесь к штрафу – вас отформатируют до состояния точки на плоскости. Приготовьтесь, сейчас я вас отформатирую... Стойте-стойте, куда вы...
Андрей рванулся было бежать, но полицейский уже направил на него плоский пистолет и выстрелил ослепительным разрядом света. В глазах Рублёва завертелись искры, голову пронзила нестерпимая боль.
Андрей почувствовал, как невероятная сила сжимает его все сильнее и сильнее, как он превращается в бесконечно малую вертящуюся точку в двухмерном пространстве...
Как? И это всё?!!
И больше – ни мыслей, ни воспоминаний... ни пространства?
И точка? Точка... Точка... Точка... Тэ-че-ка...
Рублёву стало больно, и он проснулся.

ОБЫЧНЫЙ ЧЕЛОВЕК ВО ВСЕЙ СВОЕЙ КРАСЕ

Когда Андрей проснулся, Казарской рядом уже не было. Комната была пуста. За окнами только начинало темнеть. Рублёв сладко потянулся, зевнул. Торопиться было некуда... если, разумеется, Ареопаг не изобретёт для него какое-то новое испытание.

А оно подкралось незаметно. В коридоре послышался топот, в дверь застучали. Андрей не стал открывать её – агрессивность стука не предвещала ничего хорошего. Столько проверок за несколько коротких дней – это слишком даже для нашего Ареопага... Рублёв быстро оделся и молча встал около двери, которую неизвестные гости уже начинали выламывать.

Минут через пять дверь соскочила с петель. В комнату ворвались люди в чёрных масках и с резиновыми дубинками в руках – человек пятеро. Один из них приземистой фигурой и круглой головкой-ядрышком явственно напоминал Ферзя... Люди кричали:

- У него был гость!
- Лазутчик!
- Он нарушил правила!
- Он общался с большим миром!
- Он знает слишком много!
- Убрать его!

Маски закрывали лица людей с дубинками целиком, даже щели для глаз на них не было. Тем не менее гости быстро – по звуку или по запаху, чёрт знает, – обнаружили Андрея за дверью и набросились на него. На тело Рублёва, на руки, голову, туловище посыпались удары. «За что? Зачем?» – мелькнули мысли в его голове... А под ударами дубинок уже трещали стулья, тумбочки, столы...

В суматохе со стола упала лампа – та самая, прозрачная. Невероятной силы всплеск живой энергии осветил комнату, после чего на стенах, полу, потолке начали плясать язычки живого пламени. Говорок огня был рассредоточенным, хаотичным, как будто обеспокоенным чем-то.

Проскользнув между ног одного из слепых палачей, Андрей вырвался из камеры и быстро запер дверь снаружи. За ледяной стеной раздался взрыв; по стене побежала рябь, как по поверхности моря. Изнутри доносились крики «Горим! Спасите! А-а-а!»; вскоре они затихли. Во дворце воцарилась мёртвая тишина.

Осторожно приоткрыв дверь, Рублев вошёл в камеру.

На полупрозрачном полу тихо дымился серый пепел. В воздухе над пепелищем плясали целые ногти и волосы – то, что осталось от погибших.

Пепел пел какие-то дикие песни, но Андрей не мог понять их смысла.

Пока наследник созерцал эту странную картину, за его спиной откуда-то возникли два робота, металлическими пальцами впившиеся в его плечи. Раньше, чем Андрей смог дёрнуться, в его бедро вонзился шприц с сывороткой послушания, парализующей волю. Это вещество было изобретено относительно недавно и ценилось на вес золота. Использовать его позволялось только в экстренных случаях. Значит, произошло что-то чрезвычайное...

Тело Андрея размякло и ослабело, желание сопротивляться и бороться за жизнь исчезло, хотя интеллект ещё продолжал фиксировать происходящее вокруг. Роботы взяли наследника под руки и повели куда-то по коридорам Хрустального дворца – бесконечно длинным, сменяющим друг друга, с множеством дверей.

В одну из дверей Андрей случайно заметил Вадима и Майю, сидевших перед большим синеватым экраном. Они о чём-то ожесточённо спорили. Чуткое ухо Рублёва слышало отрывки их диалога:

– Ну, Майка, решай сама, что делать. Наш Григорий скончался, страна без царя, вот-вот война начнётся. И охота тебе было программу выбора наследника настраивать! Выбрали бы кого другого, более готового...

– Не бойся, Вадька, всё под контролем. За мной большие люди стоят, без их ведома волос с головы ни у кого не упадёт. Надо только понять, что делать с наследником? Они тебе говорили? Он ведь не отвечает требованиям...

– Говорил я с ними, говорил. Тут случай тяжёлый. С наследником придётся разобраться особо...

Больше Рублёв не успел запомнить ничего. Сыворотка послушания окончательно парализовала его волю, и мозг подопытного погрузился в сон.

ВТОРОЙ ДИАЛОГ ВО ТЬМЕ

– Ну, и что нам теперь делать, Александр Люцианович? Прежний император в могиле, новый абсолютно не готов к власти, а атлантическая империя, как сообщает разведка, готовит вторжение... Далеко завёл нас ваш эксперимент, ой, как далеко!

– Не беспокойтесь, Сарториус. Всё под контролем. Запасов живого золота хватит, чтобы выиграть войну. Она даже пойдёт на пользу – новый государь начнёт правление с боевых действий, получит боевое крещение. Это повысит авторитет власти в глазах народа.

– А как вам тот факт, что господин Рублёв всё ещё ничего во власти не понимает? НИ-ЧЕ-ГО. Он слишком человек, чтобы стать правителем... Он всё ещё способен на любовь. Он боится одиночества. Он неравнодушен к людям. Правда, он не поддался на провокацию побегом, что уже хорошо... Но настоящий правитель должен быть другим. Он обязан отречься от всего земного. И от любви, и от людей, и от себя. Он должен стать роботом власти... как мы. Только тогда он овладеет Землёй. А Андрей – не робот. Его раздражаю даже я или наш милый Эмпедокл... Ему много ещё надо расти, чтобы всё понять...

– Он поймёт, Сарториус, не бойтесь. Поймёт. Но для этого ему надо умереть и воскреснуть. И желательно – не один раз. Мы его убьём... но не сильно. Потом – его родных. Потом – его страну. Всё, что он любит... А потом воскресим. И он научится смотреть на это сквозь пальцы. И думать только о главном – о Деле. О власти. О Живом Золоте.

– Ох, чувствую я, Александр Люцианович, – заведёте вы империю в тупик со своими планами... Но повинуюсь. Что мне остаётся делать. Я один решения принимать не могу. Вы первый архонт, что скажете – то и будет. Слушаю и повинуюсь.

ЧАСТЬ 2.

ВОЛЯ И ВЛАСТЬ

Человек – это надежда и нетерпение.
Солженицын. Архипелаг ГУЛаг

БОГ ЛЮБИТ МОЛЧАЛИВЫХ

В ставке верховного главнокомандующего Атлантической армией проходил военный совет.

Большой зал, купол которого белыми сводами поднимался к небу, был залит рассеянным синим светом. Зал был пуст, только в середине его поднималось к куполу высокое чёрное безлистое дерево. Под ветвями этого дерева, перевернувшись вниз головой, как нетопыри, парили в воздухе руководители Атлантического войска: серый монах в капюшоне, светловолосая высокая женщина, чьё роскошное тело было прикрыто лишь тонкой золотой сетью, и низенький толстый клоун в пёстром цирковом костюме, с размалёванным лицом. Все они подобострастно смотрели на своего руководителя – маленького голого мальчика, по виду лет трех. Малыш парил в воздухе в позе восточного божества, но вниз головой. Сине-сиреневое сияние, заполнявшее зал, исходило именно от него.

– Сейчас для нас важно положение наследника престола, – начал ребёнок – неожиданно скрипучим, старческим голосом. – Как он там, держится? Я слышал, что его заключили в Ледяной дом... Это практически тюрьма. Там любой может сломаться... что, в принципе, нам и нужно.

– Да, ваше величество. Человек боится тюрьмы, потому что там он с правдой, с самой, наедине, – поддакнул клоун. – Там он мир голеньким, без прикрас, видит. И оттого с ума сойти может. Сумасшедший царь у противника – гарантия нашей победы, государь!

– Не торопитесь, Ох, – прервал его восторженную речь скрипучий голос младенца. – Ум герою вреден. Умный жизнью рисковать не будет, коня на скаку не остановит, в избу горящую не полезет. Коли бы все умные были, давно бы все избы погорели уже, и жили бы мы на пепелище, угли глодали... Так вот: если наследничек лишится разума, он станет смелее, и нам с ним – учитывая его тотальное превосходство в силах – трудненько справиться будет. У него Живое Золото, понимаете вы это? А с ним он легко недостаток интеллекта восстановит! А встряска в тюрьме пойдёт ему только на пользу...

– Да, ситуация трудная... Но в целом – расклад сил выявляет перевес в нашу пользу. Прежний император мёртв, новый – в темнице, где едва ли выживет... Нам его смерть не нужна, нам нужно его сумасшествие. Наши люди постараются, этого добьются. Другое дело – простой народ... Он достаточно обезволен, чтобы сдаться? Вы проверили?

– Да, Ваше Величество, – медленно проговорила Эрис. – Мы поймали одного из последних англов, редкого упряма. Месяц он сидел в наших казематах. Сначала молчал, но мы его разговорили. Если хотите, Ваше Величество, он расскажет вам всё о своей стране... Хотите?

– Да, хочу, хочу... – рассеянно буркнул младенец. – Введите языка!

Сверху, с высоты купола, на цепях спустилась металлическая клетка. В клетке сидел на корточках англ, голый, обросший рыжими волосами. На его лице и теле были видны свежие кровоподтёки. После долгого плена и пыток он больше походил на зверя, чем на человека... Только глаза пленника светились хищным, злым, непримиримым пламенем.

– Ну, как живёшь, Люций? Доволен ли обхождением нашим? – с маслянистой улыбкой на толстых губах начал вопрошать у него клоун.

– Всем доволен... – глухо, как из-под земли, проговорил англ. – Всем. Так доволен, что жить неохота. Израсходовало себя тело мое, в землю просится...

– Вот она, хорошая работа, – довольно протянул младенец. – Видна рука Оха. Осмеянием его пытали?

– Пытали, – весело хрюкнул клоун.

– А хохотином поили? Люди ведь после сей микстуры от смеха умирают...

– Поили, поили. Но он – видите ли – жив... Привык организм к хохотину. Зато без микстуры он всегда мрачен. Как сейчас, можете видеть...

– Вижу, вижу. Вдоволь англ отсмеялся. Ну, сейчас ему не до смеха будет. Сыворотку правды ему вкололи?

– Вкололи. Три дня детские слёзы собирали, чтоб лошадиную дозу сыворотки получить, – самодовольно протянула Эрис. – И ввели прямой инъекцией – в сердце. Теперь он всю правду нам скажет, всё, что думает, выдаст.

– Вот и славно. Скажи-ка нам, уважаемый, – Гольдмунд обратился к пленнику. – Мы вот собираемся одно мероприятие провести... войну, так сказать... на ваших землях. И нам знать надо одно – каков сейчас ваш народ? Население Поднебесной? Сильно оно, слабо? Хочет ли сражаться?

– Народ? Что народ? – угрюмо начал рыжий англ. – Блуждает, топчется, ждёт чего-то, в земле копается... В общем, как всегда живёт. О войне думает, но не говорит. Молчит. И мускулы качает.

– Какие у него мускулы, мы лучше тебя знаем, – прервала англа золотоволосая Эрис. – Скажи, что у него на душе? О чем люди думают, чего хотят?

– Чего-чего... Всего и сразу, – буркнул пленник. – Сколько веков уже занимается народ сравнительным изучением всех мировых обманов – и всё ещё ничего не понял. Но этими

обманами он и силён... Если он сам себя до сих пор не истребил, его никто не истребит. Так считаю...

– Во-от как? – тонким голоском усмехнулся узколиций Мейстер Гейнрих. – А мы думали, что главный обман – один во все времена... Светлым будущим зовётся. Мы его придумали, мы им людям головы задурманили, мы и плоды пожинаем! Не так ли, рыжий волк?

– Может, и так... – глухо прохрипел англ. – Может, и один... Одно знаю: мы, люди, ошмётки Адамова яблока до сих пор жуём, тошно уже, а прекратить не можем!

Зато мы на нём так зубы отточили, что и вас, Ваше Коварство, проглотим – и не заметим!

– Чтобы вы победить нас смогли? Мечтайте больше! Вы даже не знаете, откуда и куда идёте! Как с таким вот невежеством вам меня, всезнающего, одолеть?

– С ним и одолеем. Дерево растёт потому, что своих корней не видит. Знали бы, с кем сражаемся, – погибли бы. А не знаем – значит, ещё победить можем... В этом сила наша. В слабости. Впрочем, вам этого не понять... Слишком умны вы, чтобы простые вещи понимать.

Под белыми сводами, парившими в синем сиянии, на минуту воцарилось недоуменное молчание.

– Довольно мы с ним болтаем... Уберите его, – Гольдмунд махнул пухлой ручонкой. – А впрочем, давайте сначала бросим жребий – начинать войну или нет...

Ох, Гейнрих и Эрис расположились на полу кругом, вверх головами. Гольдмунд бросил в центр круга монету с портретом Андрея Рублёва на аверсе. Это был один из первых андреевских рублей, только вчера отчеканенных на монетном дворе Срединного царства. Люди Гольдмунда уже успели выкрасть их для своего вождя.

Монета взлетела в синее облако маленьким светящимся диском, совершила в воздухе кувырок и с мелодичным звоном упала на полосатый бело-синий пол.

– Решка! Лицо наследника снизу! Победа будет наша! – закричал клоун. – Судьба к нам благоволит!

– Ну что, уважаемые господа, – улыбаясь под нос, промурлыкал младенец. – Мы знаем, что враждебная империя сильна. И мы знаем, что она обезглавлена. И не знает о нас ничего – тогда как мы о ней знаем всё. Без должного руководства они ничего нам не могут противопоставить... Итак, – решено. Завтра на рассвете начнём вторжение!

Ох заплодировал. Гейнрих довольно ухмыльнулся в синие усы. Эрис гордо фыркнула и театральным жестом набросила на мраморное плечо золотую сетку.

–Рано вы радуетесь! – прокричал из клетки англ. – Вы верите в свою победу. Слишком твёрдо верите... Но вера, если становится сухой, легко взрывается! И вас ждёт взрыв... взрыв ваших надежд! Все погибнете, правду вам говорю... все погибнете! Э-э-й!

– Прикончите его, – брезгливо протянул Гольдмунд. – Он слишком говорлив. А наш бог любит молчаливых... Чем длиннее язык, тем короче жизнь. Я хотел показать ему гибель Срединной империи, но он недостоин этого. Пусть умрёт. Эрис, задуши его!

Царица амазонок быстро подлетела к клетке англа и накинула ему на плечи свою золотую сетку. Пленник закричал зубами: тонкие нити врезались ему в кожу, вызывая кровавые раны. Но англ молчал, не просил о помощи. Тогда Эрис перетянула ему горло одной из золотых нитей – и тотчас косматая рыжая голова отлетела от тела. Губы головы – уже мёртвой – были сжаты, открытые глаза горели ненавистью.

– Скучный человек, – скрипуче бросил сиреневый младенец. – Праведник. Прямой, без лукавства... Ну как с такими дело иметь? Скучно на этом свете, скучно... Зато на том смешно будет. Подождём, потерпим – увидим...

КРАСНЫЕ КАПЛИ

В свинцово-сером небе мелькали оранжевые молнии. Море недовольно шуршало, глodyя покрытый мелкой галькой берег. Летящие машины, формой напоминающие лабораторные колбы, выпускали на землю веревочные лестницы, по которым спускались странные существа – бежевые, похожие на людей, но покрытые шипами и оттопыренными щитками по всему телу.

На берегах Срединной империи высаживался десант атлантистов. Для нападения был выбран самый уязвимый пункт – береговая точка, от которой было рукой подать до Хрустального дворца. Атлантисты в случае удачи надеялись получить в своё распоряжение как наследника, так и Главный запас империи – живое золото.

Против десанта было брошено новое, секретное оружие Срединной империи – создаваемая тысячами распылителей световая стена, состоящая из светящихся капелек всё разъедающего газа. Стена мерно продвигалась по направлению к десанту и сметала всё на своём пути: деревья,

кусты, скалы. Предметы растворялись в светящемся мареве, не оставляя никаких следов. Издали видна была только белая отвесная плоскость, перемещавшаяся всё ближе к берегу.

Распылители – похожие на танки машины, управляемые сидящими внутри них людьми – двигались за стеной. Их не было видно из-за стены, но обитатели машин с помощью специальных очков ясно видели всё, что происходило перед ними.

Маги – большие, шипастые, похожие на ящеров – продолжали наступать. В их мерном шаге не было заметно никаких признаков удивления или страха от столкновения с оружием, никогда ранее не применявшимся в бою. Всё вперёд и вперёд продвигалось их войско, всё меньше расстояния оставалось от них до светящейся стены...

Управляющие распылителями люди недоумевали: что происходит? Неужели интервенты позволят уничтожить их без боя? Или у них затаено какое-то секретное оружие, которое можно употребить последний момент?

Когда до стены оставался какой-нибудь десяток метров, маги остановились. Ровным строем поставили щиты на землю. Подняли с глаз плотные кожаные очки... Глаза людей-ящеров оказались рубиново-красными, налитыми кровью. Они стояли, сверля взорами неотвратимо надвигающуюся на них ослепительно сияющую смерть... Солдаты Острога в распылительных машинах невольно замерли, предвкушая катастрофу – свою или чужую...

Маги нахмурились. Из их красных зрачков вырвались сверкающие капельки крови – и брызнули на приблизившуюся стену... Шарики крови летели вперёд, дымясь и прожигая всё на своём пути. На месте их попадания в непробиваемой стене возникли бреши... Огненная кровь людей-ящеров впитывала в себя убийственный газ, не оставляя ничего от светящейся едкой смерти.

Второй кровавый залп... Брешей в стене стало намного больше, прежде единая светящаяся плоскость превратилась в скопление отдельных белых облачков. Третий залп – и в защите Острога образовались крупные бреши, сквозь которые отряды магов бросились штурмовать распылители. Солдаты, изумлённые кровавыми выстрелами, сначала не могли поверить увиденному и потому не приготовились к сопротивлению. А шарики пылающей крови летели на их машины, оставляя в воздухе долго не гаснущий дымный след, и прожигали сверхпрочную броню...

От попадания крови на тела солдат человеческая плоть скукоживалась и мертвела. Воины, хоть чуть-чуть соприкоснувшиеся с адской жидкостью, из цветущих юношей превращались в мумии – безжизненные, тощие, цвета пергамента. За какие-то пятнадцать минут все распылители были выведены из строя, все солдаты мумифицированы. Люди-ящеры тоже не могли больше сражаться – они потратили слишком много крови, больше, чем предполагалось, и обессилели. Жить большинству из них, скорее всего, оставалось недолго.

Многие маги лежали, слегка постанывая, и глядели в небо бескровными белыми глазами; другие, сохранившие ещё силы, еле-еле брели назад, к берегу, где их собирала летающая на стрекозиных крыльях машина. Но их дело было сделано – смертельное оружие Срединной империи, световая стена, существовавшая в единственном экземпляре, была уничтожена. Более никто из воюющих сторон не мог применить это оружие в течение как минимум месяца.

У Срединного царства не было оружия, имеющего равную силу. Для того, чтобы привлечь к бою новые резервы, ввести новые технологии, требовалось время. Сопротивление атлантистам задыхалось...

А атлантисты явно готовились к новой атаке.

За стенами Хрустального дворца всё чаще мелькали оранжевые молнии – лучи воздушной разведки, ошупывавшие укрепления для новой атаки.

Из-за химических испарений, поднимавшихся от трупов магов и мумий солдат, небо из серого превратилось в зелёное.

Находиться во дворце стало опасно.

НЕ СЧЕСТЬ ЧУДОВИЩ В КАМЕННЫХ ПЕЩЕРАХ

Рублёва вывели из камеры и препроводили в Подземье, в бункер. Там скрывались все жители дворца, жизнями которых дорожил Ареопак.

Андрей попал в одно помещение к художнику-косторезу Ивану Фёдоровичу Скорину. Художник был человеком колоритным. Большой чёрный берет, нос картошкой, грузное туловище на тонких ногах – всё это делало его похожим на гриб-боровик. Иван Фёдорович,

когда-то маститый, уважаемый мастер, растерявший значительную часть своей славы благодаря дебошам, увлекался собиранием всего безобразного.

– Не так ли и Бог... там... нас собирает?... – говорил он тихо, показывая рукой на свою коллекцию.

В его комнате было темно и сыро, пахло чем-то терпким, холодным, потусторонним. Помещение освещалось тусклыми лампочками. Вдоль стен, обитых деревом, стояли нестройными рядами экспонаты богатой коллекции. Были там и огромные лосиные рога, и кандалы, в которых больше ста лет назад шли в Острог каторжники, и старые иконы с тёмными ликами, и много других интересных вещей. Говорили, что где-то у Лобстера хранится бедро Адама, первого человека на земле, найденное им в археологической экспедиции по северу Острожского края.

В углу лежали сложные композиции, вырезанные Лобстером на больших деревянных досках. Художник показывал их Андрею – одну за другой.

– А эта картина что значит? – спрашивал Рублёв, не понимая смысла его туманных аллегорий.

Иван Филиппович своим глуховатым голосом неторопливо объяснял ему свои туманные замыслы:

– Сия картина называется «У трона вечного Паяца». Здесь, внизу, вырезана жизнь – людишки, любящие, враждующие, умирающие и тэ пэ. А здесь, над узким фризом их жизни, возвышается трон Великого Паяца. Вот он сидит, с неподвижным размалёванным лицом и каменными глазами...

– А кто он, Паяц? Бог? – недоумённо спрашивал Андрей.

– Это, понимаешь, – некий демиург, у трона которого скитаются души, – объяснял Скорино. – Кто такой этот Паяц, никто не знает. Бог он или дьявол – нам не угадать. Но он шутит с нами. Чувство юмора у него отменное, но смеяться не хочет никто. Вот он и в обиде. Если бы мы побольше смеялись над его шутками, он бы не был так жесток... Но это – просто моя фантазия. Просто выдумка. Вот так.

Косторез улыбнулся. Круглые рыбы глаза на плоском морщинистом лице засветились странным светом.

– А вообще – кто это? С кого вы этого паяца рисовали? Вроде на вас похож... Или нет? Кто это? – допытывался наследник.

– О, юноша. Если бы мы поняли, кто это, мы бы так захохотали – или завопили, кто знает? – что мир бы содрогнулся... Как там поэт один сказал:

*Но если бы негодованья крик,
Но если б вопль тоски великой
Из глубины сердечныя возник
Вполне торжественный и дикой, –
Костями бы среди своих забав
Содроглась ветреная младость,
Играющий младенец, зарыдав,
Игрушку б выронил, и радость
Покинула б чело его навек,
И заживо б в нём умер человек!...*

Густо клокотавший голос костореза казался доносящимся откуда-то *изнутри*, из запредельного, внутреннего пространства. Упитанный живот Ивана Фёдоровича сотрясался – вот-вот лопнет. Паяц с картины смотрел на своего создателя осуждающе.

Рублёву не хотелось дальше говорить об этой вещи. Ему было известно, что Скорино – человек верующий, но богоборец. Тревожить его внутренние раны молодой архивариус не хотел. Надо было перевести беседу на другую тему.

– А где ваша главная работа? – поинтересовался Андрей.

– Вот, икона – Черная Троица, – Скорино указал на доску, на которой была вырезана икона «Троица», по средневековому образцу, но с плоскими, чёрными ликами. Вместо лиц на картине светилась пустота. Три черноликих ангела на чёрном фоне сидели за узким столиком, на котором стояли три стопки. За их спинами из темноты выступал пейзаж обычного острожского двора – покосившийся сарайчик, облупленная стена дома, какие-то булыжники.

– А это не кощунство? – робел Рублёв. – Это даже для вас... ну...слишком смело.

– Так я не Бога рисую, – угрюмо возразил Иван Фёдорович. – Есть разные Троицы. Всё в мире троично. Во всех вещах есть три части: активная часть, пассивная – и сила их взаимодействия. Отец, Сын и Дух, так сказать... Триалектика. Бог триедин, и дьявол триедин. Дьявол ведь – главный пародист, пытается во всём своего создателя и врага повторить и спародировать... Так что я, может, не Бога похулил, а дьявола. Не ужасайтесь, юноша. Всё проще, чем вы думаете. Всё проще.

Скорино хмыкнул и погрузился в раздумья.

Андрей в это время молча смотрел на лица ангелов. Вдруг в чёрном промежутке одного из пустых ликов ему померещилось лицо Ольги – *его* Ольги Левиафани. Она как будто улыбнулась – и исчезла...

– Интересная вещь. Вы продаёте свои работы? – вдруг спросил Андрей.

– За деньги не продаю. А за коньяк хороший – пожалуйста...

– Ну, чего нет, того нет. А кстати, как здесь кормят? Хорошо?

– Средне, так себе... Мне так хотелось коньячку, зелёнького... В наших столовках его не найти. Вы сами можете пройти, тут вот по коридору прямо и направо – моховая кухня, там сейчас обед. Идите, попробуйте здешнюю стряпню, может, вам по вкусу придётся. А я до общепита не любитель...

– Да, я, пожалуй, пойду, поем.

Андрей пожал художнику толстую ладонь. Поклонился. Вышел из его мастерской. И направился по коридору в моховую кухню.

ХОДЯЧЕЕ КЛАДБИЩЕ ТАЛАНТОВ

Моховая кухня выглядела безотраднo. Слабые, мигающие лампочки едва освещали зеленовато-серые стены, грязные пластмассовые столы, заплёванный темный пол. В стенах были сделаны проёмы, сквозь которые время от времени высовывались грязные руки, выдававшие толпившимся вдоль стен людям тарелки с грязно-зелёной жижей. Лучшей пищи здесь не было, и очереди за моховой похлёбкой были велики и двигались очень медленно.

В очереди перед Рублёвым стояли подростки в серо-зелёной униформе – учащиеся ШПОРа, Школы политического резерва. В этом привилегированном учебном заведении происходил первичный отсев будущих кадров управленческого аппарата Срединной империи. Попастъ в ШПОРу было легко, выжить в ней – сложно. Большинство «шпортанцев», как прозвали учащихся в народе, погибало в течение первых трёх лет учёбы, сводившейся к бесконечным физическим тренировкам, аскетическому самоограничению в сне и пище и жесточайшей муштре, готовивших будущих бойцов аппарата к трудностям грядущей службы. Зато выжившие получали самые заманчивые должности с самым большим окладом и всевозможными льготами. Поэтому количество родителей, мечтавших отдать своих детей в ШПОРу, с годами только росло.

Среди стоявших перед Рублёвым шпортанцев выделялся один – сутулый горбоносый парень в очках, с торчащими ёжиком волосами. Он стоял не рядом со всеми, а отдельно, облокотившись об стену и что-то насвистывая. Весь его вид выражал молодую дерзость и непокорность традициям.

– Кто там напевает? А, это вы, Вольт? – раздался в коридоре крик распорядителя школы, Леонида Осиповича Шауро. – Александр Иваныч, прекратите насвистывать, вы нарушаете дисциплину! Ведите себя скромнее, как все ведут!

– Леонид Осипович, я ничего такого не делаю. Мне, сколько ни свисти, денег не просвистеть, у меня их не предвидится. Сами знаете... А ваши деньги просвистеть я был бы не против, – школяр блеснул глазами. – Этому все мы, шпортанцы, рады.

– Молодой человек! – Шауро повысил голос. – Ведите себя как должно! Если бы все учебники знаете наизусть, это ещё не повод всех остальных считать ниже себя! Слышите? – педагог обратился ко всей группке школяров, окруживших Вольта. – Вот этот «юноша бледный со взором горящим» наличие у себя мозгов воспринимает как повод для нарушения дисциплины. Он не знает, что России нужны не умники, а послушники!

– Я, может, послушником и был бы, да угодником быть неохота, – тихо проговорил Вольт. – Вашим угодником, Леонид Осипович...

Толпа расхохоталась.

– Александр Иваныч! – пророкотал возмущенный мэтр. – Вы знаете, что я не могу вас наказать, вас ценят там, – заскорузлый палец Шауро взлетел к потолку. – Но я могу вызвать вас на дуэль. Дуэли нашими законами, слава богу, не запрещены... Выбирайте оружие! – Брови

Шауро, авторитет которого в среде учащихся висел на волоске, дрожали, как густая трава под ветром. Большой кадык колыхался в такт биению сердца...

– Моё оружие – смех, – бросил юнец. – Это оружие не ведь запрещено, как я знаю... Выбираю дуэль осмеянием!

– Что ж, так можно... – пробормотал Шауро. – Хитрец вы, однако... Но будь по-вашему. Посмеёмся на славу!

Школяры расступились, освобождая место в центре коридора для дуэлянтов. Двое – грузный усач в летах и юнец с едва проступающими над верхней губой усиками – встали друг против друга в угрюмом молчании.

Студенты ждали, чем же закончится этот конфликт. Было видно, что ни одна из его сторон не вызывает особой симпатии у шпортанцев, но педагог им гораздо противнее.

Шауро расхохотался по-сатанински, громко и зловеще. Вольт в ответ слегка усмехнулся – ехидно и гадливо, уголками губ. Шауро пошатнулся, зажмурил глаза – и медленно поплыл на пол.

Студенты разразились аплодисментами. Победа школяра над педагогом явно пришлась им по нраву.

– Вот такое тю-тю после бо-бо, – меланхолически протянул Вольт, сняв очки и рассматривая свои ногти. Было видно, что он вполне доволен собой.

Пока школяры приводили в чувство побеждённого учителя, победитель-ученик стоял у окна, раскуривая моховую самокрутку.

Андрей подошёл к Вольту и, облокотившись на подоконник, встал рядом с ним. Несколько раз беззвучно ударил в ладоши, изображая аплодисменты.

Маленькие глазки Саши загорелись тёмным, озорным пламенем.

– Вы, я вижу, юноша смелый. С характером... – промолвил Андрей.

– Какой есть... – улыбнулся Саша. – Друзья не жалуются. Со мной не скучно...

– Друзья, друзья – это хорошо... – Андрей лукаво прищурил глаз. – У меня вот нет друзей. То есть были, но их уже нет, наверное... А вам не все равно, что о вас другие люди скажут? Ведь не со всеми подружиться...

– Да что там... Стану я всех слушать, – парень лениво сплюнул на пол. – Ворона каркает – на то она и ворона.

– Вот вы кто такой. Далеко пойдёте... – беседа положительно нравилась Андрею. Было приятно вот так балагурить – накануне всеобщей гибели. – А вообще – откуда вы? Из какого рода? Знатного? Видно, что у вас гордость в крови...

– Ничего я о себе не знаю... – Вольт картинно скривил лицо, изображая безразличие. – Студентам ШПОРы семьи иметь не положено. Младенцем я был отцом-мамкой брошен, ничего о них и не помню... Одно помню – я малой-малой был, у меня молочные зубы шатались, а отец мне один из них ниткой обвязал и рванул, так что упал я и здорово башкой ударился. Кроме этой боли, ничего от детства мне не осталось. А вы-то кто? Как сюда, в бункер, попали? Важная особа, наверное...

– Важная, да... – Рублёв озорно улыбнулся. – Я императором буду... Если империя выстоит. И если меня не прикончат... Я наследником покойному Григорию Десятому выбран. Впрочем, вряд ли до власти доживу... До меня, говорят, человек тридцать пробовались, никто не выжил. И после меня еще столько же будет, наверное...

– А-а-а... Так вы наследник? – лицо Саши просияло. – Тогда мы в некоторой степени коллеги...

– В каком смысле? – удивился Рублёв.

– В прямом. Я выбран следующим наследником – прямо за вами. Если вас, не дай бог, казнят, то за меня возьмутся – или царём сделают, или на живое золото отправят. Потому я и смел, что знаю: меня до поры до времени не тронут.

– А коли казнят? Как меня... как всех?

– Подумаешь, велика потеря. Мы тут привыкли на всё сквозь пальцы смотреть. И я, и вы, как вижу... Жизнь – копейка. Зато если воцарюсь, я им всем покажу... Хорошенький водевильчик на земле устрою. – Пока Саша говорил это, в его глазах загоралось нехорошее, тёмное пламя. – А сами не боитесь, что в расход вас отправят?

– Ну, отправят так отправят... И чёр-р-т с ними! – Андрей зло сплюнул сквозь зубы. – Хотя окончится эта морока, и то хорошо.

– Откуда это такая храбрость? – прищурился Вольт. – Кто вас этому научил? Мудрости этой... пофигизму, как у нас говорят?

– Никто. Просто я много видел... в последнее время. Много понял. Всюду жизнь. И в смерти тоже. Знаю это – и потому ничего не боюсь.

ПОСЛЕДНЯЯ МЕРА

Беседа с Вольтом неожиданно прервалась: люди в зелёных масках и тёмных костюмах, выросшие как из-под земли, увели Андрея из моховой кухни. После долгого пути по коридорам бункера наследник оказался в странном помещении, напоминающем операционную, – голые салатного цвета стены, синий свет из лампы под высоким потолком, пустой стол, покрытый белой скатертью, в центре зала. Вокруг стола стояли трое в белых халатах, перчатках и масках на лицах. Впрочем, несмотря на маски, их легко можно было узнать, – это были недавний знакомец Иван Скорино, командующий идеологией Острога Александр Домострой и уполномоченный по правам каннибалов Михаил Скавронский – известные политики империи, теневой триумvirат, правящий государством.

– Дело в том, Андрей Тимофеич, что мы совершили над вами своеобразный эксперимент, – начал, откашлявшись, Скорино. – Мы решили пообещать власть над империей случайному человеку – такому, как вы. И посмотреть, как он на это отреагирует. Испортится или улучшится... Такое вот пари.

– И что? – угрюмо усмехнулся Рублёв. – Добились вы своего? Кто победил? Игроки вы, игроки... Вся жизнь для вас – игра, а люди и царства – фигуры на доске... Не понимаете вы, что в наших сердцах творится.

– Нет, Андрей Тимофеич, – голос Ивана Фёдоровича был предельно спокоен, даже равнодушен. – Мы-то как раз понимаем, что вы чувствовали. Мы регулярно поднимаемся к вам, на землю, и смотрим, как вы живёте... Притворяемся художниками, поэтами, пророками. Несём всякую чушь – люди её любят. А тех, кто её несёт, – нет. Иногда нас даже убивают, да. Но это нам не страшно... А в вашем случае нам было интересно не то, кто из нас победит, а то, победите ли вы! Одержите ли вы верх над самим собой... Как известно, победить себя трудно, а проиграть себе легко.

– И для этого вы меня чуть не убили? – с наигранной сухостью осведомился наследник.

– Убили? Да, пожалуй... Мы вас убили, но не сильно. Разве вы этого не заметили? Для того, чтобы стать свободным, человек должен умереть... иногда – несколько раз. Свобода – высшая ценность, мой друг, и она стоит жизни!

– Свобода... А что такое свобода? Вот есть ли она у нас сейчас? – Андрея понесло, он больше не мог изображать равнодушие. – У нас в Срединной империи страна свободна, а все люди – нет. У них, на Западе, каждый человек в отдельности – свободен, а все вместе – рабы. Вот она, свобода! Она вещь, конечно, хорошая, только с любовью не сочетается... Свобода вещь одинокая.

– Вот-вот, – закивали головами архонты. – Для этого мы вас и подвергали испытаниям. Сколько вещей вы поняли... Теперь мы видим, что вы – умный человек. И храбрый... Но посмотрим, что будет с вашей храбростью, когда вы увидите вот это....

В центр зала вынесли большое блюдо, накрытое прозрачной крышкой. Под ней сидели судьи, некогда решавшие судьбу Рублёва – Мангольд, Руслан и Минус. Люди были уменьшены до размера гномов и привязаны к своим судейским креслам. Рты их были затянуты платками, глаза – вытарашены, пальцы до боли сжимали подлокотники кресел. На лицах судей отразился непритворный страх.

– Эти люди, Андрей Тимофеевич, – медленно произнёс старший из триумvirов, Домострой, – вынесли вам неверный приговор. За это они наказаны и сами ждут решения суда.

– А что они мне присудили? Смерть? – нервно сглотнул Андрей. – Или коронацию?

– Вам пока рано знать. Важно лишь, что они решили неверно. И от вас теперь зависит их судьба. Что вы скажете – то с ними и произойдёт. Но учтите, что то же самое может произойти и с вами... Вас мы подвергнем той же последней мере, что и ваших судей. Думается, это будет справедливо. Как вы поступите, уважаемый наследник?

– Уважаемый подопытный, – невесело ухмыльнулся Рублёв. Он стоял, сохраняя видимое спокойствие, только складка у тонких губ обозначилась чуть резче.

Долго думать над судьбой судей было нечего. При всём равнодушии Андрея к своей судьбе вопрос собственной безопасности был для него важнее мести. И потом, милосердие к врагам – дело хорошее, безвыгодное...

– Знаете, я бы их помиловал. И отпустил на все четыре стороны света – пусть делают, что хотят. Пусть сами свою судьбу решают. Так для всех лучше будет – все на свободе, – сглотнув комок в горле, промолвил наследник.

– Что ж, будь по-вашему, – хитро улыбнулся Домострой (он, судя по всему, в этом триумvirате был за главного).

Тотчас же с лиц заключённых под колпаком судей спали повязки, кресла под ними растаяли, а сама троица забегала по кругу, хватаясь руками за воздух, пока не превратилась в рой

вертящихся палочек. Палочки вылетели из-под колпака и тонким вихрем поднялись куда-то к небу.

– Они свободны. Полностью, от всего. Полную свободу дарит только смерть, небытие, – разве вы этого не знали? – Домострой артистично взмахнул рукой, как фокусник, показавший неожиданный фокус. – С ними случилось то, чего вы хотели. А теперь я хочу вам сообщить одну интересную вещь...

В этот миг синий свет в зале неожиданно замигал, завывла сирена. Это означало воздушную тревогу: войска атлантической державы пытались бомбить центр Острога.

Андрей стоял у стола с пустым колпаком, как остолбенелый, сложив руки за спиной и до мучительной боли сжимая свои пальцы. Триумвират оставался спокойным.

– Это налёт...– глухо объяснил Домострой. – Не пугайтесь. Наши антигравитаторы отбуксируют вражеские бомбы вверх и примагнитят их прямо к самолётам... Это чуть-чуть отрезвит интервентов. Они ещё не знают об этом нашем оружии... Но вас на время налёта препроводят в вашу камеру в бункере. Посидите там, пообщайтесь с сокамерником, господин наследник престола.

– У меня будет сокамерник? – Андрей расширил зрачки, пытаясь удивиться.

– Да. Это тоже входит в программу ваших испытаний... Вы поделите временную жилплощадь с одним очень примечательным человеком – с палачом. Пикус его фамилия. Мы вас специально вместе поселили. Царь должен своих палачей знать в лицо... Поговорите с ним, он расскажет вам много интересного.

СЕНТИМЕНТАЛЬНЫЙ ПАЛАЧ

Комната в бункере была похожа на тюремную камеру – серые стены, тусклый свет лампочки, никакой мебели, кроме двух коек и стула. Было холодно, приходилось спать не раздеваясь. Сосед Рублёва по бункеру – палач Пикус – был маленьким, жалким, тощим человечком, с бегающим взглядом и вечно потными ладонями. Одет он был щегольски: в синий в белую полосочку костюм, безупречно отутюженные брюки, нагло блестящие ботинки. На его шею был повязан шёлковый платок в крупную красную клетку. Он постоянно потирал ладони и шмыгал носом.

Андрею не хотелось о чём-либо разговаривать с этим человекообразным. В голову приходили мысли: «Не ко мне ли этот субъект направлен? Не для казни ли моей?» Хотя к жизни у Рублёва оставался интерес только как к эксперименту, – увидеть бы, чем он закончится, – общаться с профессиональным убийцей всё равно было гадко.

Сначала подопытный наследник престола и опытный палач сидели на койках друг напротив друга и угрюмо молчали. Было непонятно, прекратится ли когда-нибудь это непрерывное молчание.

– Андрей Тимофеевич... Вы не слышали, синие брюки в полосочку не выйдут из моды через год? – неожиданно спросил палач.

– Вроде нет... Только полосочки станут уже, – неохотно ответил Андрей. – Я в одном журнале читал...

Болтать Рублёву не хотелось, но Пикус задавал вопрос за вопросом, и подопытный невольно отвечал. Палач парировал, проявляя незаурядный ум и чувство юмора. Постепенно соседи по бункеру разговорились. Побеседовали о моде, об одежде, о вкусах. Затем речь зашла о времени, о нравах – старых и нынешних. Андрей вспомнил об одном своём друге, учёном, изучавшем историю.

– Знаете, один мой друг, там, в Главархиве, вывел формулу времени. Математически выразил все времена и эпохи, всю историю в формулу перевёл. Длинная такая формула со многими неизвестными – и всё в конце концов сводится к нулю...

– Ну, чудачков у нас немало. Сам таких казнил штук пять... – недовольно буркнул Пикус, потирая ладони. – А к чему вы вообще об этом говорите?

– А к тому. Этот друг мой в формулу перевёл мою повесть об Иуде. А это должно быть вам по долгу профессии интересно...

– Об Иуде?– острые глазки Пикуса оживились.

– Да. И о Пилате, и о Христе. Я, в Главархиве работая, захотел Евангелия в форму досье перевести. Ну, знаете, – у нас на каждого мосье по досье. Я таких сотни штук в архиве встречал. На разных там героев и гениев... И написал досье на Пилата, Иуду, апостолов и тэ дэ. Там всё описал, как это происходило – по моему мнению. Повестюшка называлась – «Поцеловать Иуду»...

– Поцеловать? Шикарно, шикарно... – Пикус улыбнулся. – А кто его целовать должен? Вы? Я? Или мы все, может?

– Не я, не вы, никто. Иисус. Он сам Иуду поцеловал. Такой Иуда жалкий ему навстречу шёл, растерзанный совестью, что Иисус его пожалел... Приободрить хотел, что ли. А евангелисты это неправильно поняли – что Иуда так знак воинам показывал. А зачем ему на Христа показывать, если его и так все знали? То-то же...

Крысиные глазки Пикуса загорелись. Было видно, что судьба Иуды его весьма сильно интересуется.

–А можете мне показать вашу повесть? Потом, может быть, я... это... перечитаю... – быстро пролепетал он.

– Да вот она, здесь, в моём микроархиве. На проекторе можно посмотреть, – Андрей достал из кармана маленький фонарик, зажег, навёл на стену, и в круглом пятне света отобразились страницы. Рублёв быстро пролистал свой архив до нужного места, и соседи погрузились в чтение повести.

ПОЦЕЛОВАТЬ ИУДУ

Досье

ИУДА ИСКАРИОТ

Внешний вид: ростом чуть выше Пилата, телосложение крепкое, походка – быстрая, слегка вихляющая. Глаза – не кривые, не слепые, но непрерывно моргающие, словно в них попал песок. При смехе уголки глаз и губ растягиваются в стороны, почти не двигаясь вверх и вниз. Лицо – матово-бледное, черная борода раздвоена, вместо усов – еле заметная белесая поросль над верхней губой.

Внутренний мир. Не корыстолюбец, не философ, не безумец, не одержимый, а духовный рационалист. Всю жизнь подсчитывает свой моральный доход и расход. Завет (договор): «Я Богу – доброе дело, Бог мне – стократ больше». К Христу идет, дабы продать Богу душу за вечное блаженство. Для этого готов умереть.

Отношение к Христу. После Тайной вечери, потрясенный исповедью Бога, погружается в какой-то транс. Петр, Иаков и Иоанн от невыносимости постигнутой истины невольно засыпают в Гефсимании (возбуждённый мозг тормозит себя), Иуда же впервые совершает непонятный для него поступок: идёт предавать Христа.

Можно было бы написать на картине, как он идёт навстречу Христу с завязанными глазами, за правую руку его ведет незримый дьявол, за левую – ангел.

Иуда этого не чувствует.

Иуда идёт, спотыкаясь, слепо моргая, почему-то слыша за собой топот миллионов человеческих ног. Подойдя к Христу, чуть ли не падает без сознания. Иисус, пожалев грешника, целует его первым.

Сложнее всего поцеловать Иуду, не поцеловав при этом сатану.

Поцелуй Христа сжжёт Иуду.

После Пасхи предатель мог быть прощён Христом, но прощения не принял. Ветхозаветный рационалист предпочел справедливость милосердию.

Страдает.

Этим счастлив.

ПОНТИЙ ПИЛАТ

Внешний вид. Чуть выше среднего роста, голова почти цилиндрической формы, небольшие зальсины, волосы на висках немного вьются. Немые чистые глаза. Прямой тонкий нос. Чистая кожа – ни одного прыщика, ни одной морщины, только острые нервные складки в углах губ.

Внутренний мир. По характеру – до совершенства отшлифованный римской дисциплиной стальной шарик, движущийся по кругу. Снаружи – сталь, внутри – ни злобы, ни любви, только пустота. Всю жизнь он заполнял эту пустоту – то властью, то похотью, то развлечениями – но всё обращалось в воздух.

Отношение к Христу. При встрече с Иисусом чувствует, что «что-то шевелится в душе», что пустота заполняется, но чувство это столь необычно для Пилата, что он его не понимает. Казнит Иисуса, как многих других, кого хотел бы помиловать (и казнь, и милость для него – формы развлечения, спасения от Госпожи Скуки), до конца жизни не понимает, кого казнил, совесть вроде не мучает... Пустота остается прежней, но ЗАПОЛНЯТЬ ЕЁ ПОЧЕМУ-ТО УЖЕ НЕ НАДО. Пилат болеет пустотой – и живёт этой болезнью.

Биография души. Пилат проживает долгую жизнь – и умирает непонятной для него, римлянина, смертью: гибель в бою, самоубийство, даже казнь от меча были бы для него естественны, даже почетны, но он умирает – от дрожи.

Неожиданно, ночью на веранде в своём имении в Альпах, чувствует дрожь, какой-то непонятный страх (в коем он никогда себе не признавался) – и умирает в судорогах совести, глядя в небо.

Прощён.

АПОСТОЛ ПАВЕЛ (САВЛ)

Характер. Павел (Савл) – не Христов человек, фактически создавший Христово дело и более всех ему послуживший.

Единственный титан мысли, взявший Царствие Небесное – силой.

Актёр, знаток человеческой природы.

Отношение к Христу. Савл – фарисей, римский гражданин, поставленный сверху, чтобы сначала играть роль палача христиан, затем пустить слух о своем чудесном обращении, возглавить секту и подчинить её власти (чьей – сам не знает до конца). Он начал разыгрывать комедию, но вдруг понял, что это – не игра, и уверовал в то, во что играл, и отдал за это жизнь. И – ВОЛЮ. За это получил душу.

История обращения. По пути в Дамаск никакое явление Христа не преобразило бы Савла: откровения свыше благодетельны для мудрых, а просто умных – озлобляют. Обращения начинаются с мелких невольных благодеяний.

По пути в Дамаск по одной дороге с Савлом, на некотором расстоянии от него, случайно следовала семья христиан – отец, мать, шестилетний ребёнок. Они узнали, что за ними едет палач, и спрятались в пещере. Когда Савл проехал мимо, ребенок, не понимая, что делает, выбежал и бросил камешком в спину «врагу Христову». Дитя – и семью – схватили.

И тут Савл впервые взглянул на христиан не с ненавистью, не с презрением, не равнодушно, как на кукол в своих руках, а с милой снисходительной улыбкой – и приказал отпустить семью.

...Если бы христиане упали перед ним на колени или, наоборот, повели себя гордо – душа Савла не воскресла бы. Но ребенок ушёл в пещеру спокойно, как если бы ничего страшного ему не угрожало. Савл запомнил это, пока не сделав никаких выводов. Но затем, в Дамаске, он постепенно понял смысл подвига веры – и маска христианина прильнула к его лицу. В результате лицо стало прекраснее, но и маска изменилась.

Биография души. Савл-Павел проповедовал, будучи человеком, подвластным Делу, и безмерно гордясь за своё Дело. Он шёл вперед, глядя не в глаза людям, как Христос, не потупив взоры, как Пётр, не взирая в небо, как Иоанн, а направив взор в «невидимую точку», туда, где сходятся все пути мира. Ничто не отвлекало его от Дела – ни боль, ни смерть, ни суета людей, ни сами люди... ни сам Бог.

Колоссальной силы Павловой воли хватило бы, чтобы дойти до дверей Царства Божия, но не хватило бы, чтобы проникнуть туда – двери рая открываются не тем, кто силой рвётся к ним, а тем, кто смиренно ждёт, когда они откроются... Сильные на это, как правило, не способны.

Но Павел смог понять суть спасения – перед казнью. Он всегда смотрел на людей – тем более на палачей – прямо, не склоняя головы. Но перед мечом надо было склониться. И, когда он после долгого пребывания в тюрьме, в кандалах, начал опускаться на колени, ощутил он некую боль – чисто физическую – в груди, и она отвлекла его от роли гордого мученика: он ощутил себя просто Человеком, просто Жизнью, которая вот-вот прекратится.

Положив голову на плаху, он неожиданно рывком поднял голову вверх, издал хриплый возглас: «Что? Что?» – и увидел клочок белого неба с синими прожилками.

Палач опустил меч.

Глаза Павла ещё некоторое время видели этот белый свет, который и стал для него решающим аргументом для входа в рай.

Спасен.

В царстве Божием добровольно отходит на второй план со своего места первоверховного апостола – во имя смирения своего.

Продолжает совершенствовать душу – мыслью и безмолвной молитвой.

Счастлив.

– Интересно вы говорите... Я бы такого не выдумал, – с грустной иронией проговорил палач, когда Рублёв закончил свой рассказ. – Но и я записывал, что происходило с моими... несчастными. С теми, в общем, кого я казнил. Я ведь много с кем так же, как с вами, общался... Потом записки пригодятся – может, какой писатель по ним роман напишет. Человека познает... Был у меня такой случай. Одного несчастного, Анчуткина, провожал я – его за ересь приговорили, он не как все думал. Сам был такой ма-ахонький, на голову меньше меня, юркий, зубастенький, с потными руками да быстрыми глазками. Неприятный тип, в общем. Я с ним и говорить не хотел, когда к нему в камеру пришёл – сел напротив и начал молчать. И он тоже. Я молчу и он молчит. И главное – я по лицу его подвижному понимал, о чём он молчит! Да и он мои мысли, наверное, как-то читал. Так вот мы и сидели друг напротив друга и молчали. Часами. На разные темы. Сначала о политике, потом о свободе, потом о жизни. Так вот, под утро Гус домолчался до такой ереси, что я просто встал и вышел из комнаты! Вышел и плакал. И отказался казнить этого человека. Слишком странно он молчал...

– И что? Казнили его в конце концов? – оживился Андрей.

– Не-а. Казнь не состоялась. Никто из штатных палачей не захотел убивать того, кто ТАК молчал. Бог любит таких, молчаливых... Отпустили его, до сих пор где-то бродит, наверное. Его и смерть не возьмёт. Он с ней общего языка не найдёт – они из разных реальностей.

– Молодец Анчуткин! – хохотнул Рублёв, отбросив ладонью волосы назад. – Победил смерть! Сделал свой выбор... Да, да... А я так скажу. Вот меня тоже проверяют, готов ли я к власти или не готов, казнить меня или короновать... И главное – никогда не знаешь, чем всё кончится. Вот неопределённость эта меня больше всего изводит... Если бы сразу мне сказали: «Вот завтра ты умрёшь», – я бы, кажется, только успокоился. А так – волнуюсь, терзаюсь... Лезешь всю жизнь на высокое место, а потом оказываешься в низком и сыром... Да, да. Легче падать в бездну, чем висеть над ней. Во как! Хорошо сказал! – Андрей сам улыбнулся произнесённой им фразе. – Запишите это, для мемуаров. Для истории.

После этих слов Рублёва Пикус замолчал, потирая руку об руку. Его узкое морщинистое лицо изображало мучительную работу мысли. Промолчав несколько минут, он промолвил:

– Знаете, Андрей Тимофеич... А мне ведь поручено вас казнить. Смертная казнь второй степени – без боли, без страха. От инъекции во сне. Вы уснёте, а я вам укол сделаю... Чик – и всё. И вы мертвы. Теперь это так делается...

– И что?

–А то. Я этого делать не буду, – Пикус шмыгнул длинным носом и затих, ожидая Андреевой реакции. – Как тогда, с Анчуткиным. Пусть другие делают...

Лицо подопытного не изменилось.

– Делайте что хотите, – коротко бросил он. – Мне уже всё равно. Знаете, когда мне было восемнадцать, я говорил: «Если мне скажут: «Если ты ляжешь сегодня спать, то больше не проснёшься», – я всё равно лягу спать». И сейчас я поступлю точно так же. Я лягу и усну. А вы поступайте, как знаете. Хотите, делайте укол мне, хотите – себе. Хотите – уходите. Мне всё равно. Мне эти эксперименты надоели...

Пикус сидел, не смея пошелохнуться. Рублёв картинно потянулся, широко зевнул, лёг на свою кровать и повернулся лицом к стене. В комнате воцарилась тишина, нарушаемая только ровным дыханием Андрея.

Палач несколько минут подождал, пока он заснёт. Поёрзал на стуле. Осторожно, чтобы не издать ни звука, встал. Повертел в руках шприц с ядом. Вздохнул. И вышел неслышными шагами, на цыпочках.

Когда дверь за ним затворилась, Рублёв отвернулся от стены, сел на постели, тихо проговорил: «Так я и знал. Опять балаган...» – и налил себе моховой настойки из графина.

Надо было как-то скоротать ночь.

УМИРАТЬ, ОКАЗЫВАЕТСЯ, ВЕСЕЛО

Следующее утро выдалось непогожим: хмуро, волгло. Рано-рано Андрея разбудили толчком в спину двое человек в масках, грубого вида. «Собирайся. Идём», – сказали они.

«Вот и всё, – подумал Рублёв. – Последние проверки прошли. Теперь казнить будут». Быстро оделся и пошёл за ними – сначала в лифт, вознёсший его на верхние, сотые этажи Хрустального дворца, а потом на лестницу, возвышавшуюся над крышей. Там его ждали люди с оружием в руках, неприветливые, похожие на средневековых стражников.

Внизу клубился сизый, полупрозрачный туман. Небо было плоским, тёмно-серым. По длинной лестнице стражи, одетые в тёмные плащи до пят и маски в виде перевернутых треугольников с прорезями для глаз, возвели Андрея на небольшую дощатую площадку, с которой открывался вид на бесконечные просторы, таявшие в дымке. С этой высоты ничего

нельзя было различить там, на земле. Сверху, над Андреем и стражами, парил попугай Сарториус, гортанным голосом выкрикивая указания палачам – атлетического сложения мужчинам в набедренных повязках, сандалиях и таких же масках.

Когда Рублёв встал на помост, попугай крикнул: «Раздеть его!», и стражи медленно раздели пленника донага. Серый ветер высоты гладил кожу, пронизывая тело, доски под голыми подошвами казались невыносимо сучковатыми.

– Теперь полагается нанести подсудимому тридцать ударов дубинками, – провозгласил попугай.

Андрей дёрнулся, желая вырваться из рук палачей и спрыгнуть – туда, вниз... чтоб умереть быстрее. Но железные руки стражников больно впились в его плечи, сдавили их и бросили пленника на землю. Он упал, как тюфяк, обессиленный страхом, не желая больше сопротивляться – будь что будет. Стражи приступили к избиению.

Рублёва били дубинками, сделанными из какого-то странного вещества, тёплого, розового, упругого, похожего на человеческую плоть. Между ударами Андрей смотрел вниз, сквозь доски помоста, где клубился серый дым, а сквозь него проступали очертания крыш и башен Острога... Вот-вот... избиение закончится... и его сбросят... туда??? Вниз???

Но вместо этого стражи подняли его и торжественно облили голову грязью из золотой чаши, потом – благоговейно склонились перед ним, низко, в земном поклоне. «Что такое?» – удивился Рублёв... Но Сарториус в небе громко выкрикнул:

– Кор-ронацию начинать!

«Коронация? Какая?» – Рублёв почти перестал понимать, что с ним происходит... Тем временем на его голову была торжественно водружена корона, сделанная из какого-то неизвестного красного металла, тёплого, словно только что с солнца. Овеяли ладаном и благовониями из больших кадил. Вдали, на нижних ступеньках лестницы, прозвучала какая-то странная музыка...

– Ваше величество, вы прошли испытание. Вы испытаны любовью, свободой и смертью. Теперь ничто не помешает вам занять трон Срединного царства, – донёсся сверху голос попугая.

– Как? Так меня... не это... не казнят? – хрипло выкрикнул Андрей. Колени его дрожали, губы невольно шептали какую-то непонятную ему самому молитву...

– Нет, ваше величество. Вам предстоит только дать присягу и ещё кое-какие формальности. Понимаю, испытание было не из лёгких, но все императоры и основатели династий проходят через нечто подобное... – объяснил, зависая над головой наследника, Сарториус. – Теперь – соберитесь с силами. Стражи будут читать слова, а вы повторяйте: «Аминь» – после каждого отрывка.

Из числа стражей, не избивавших Рублёва, а молча стоявших в стороне, вышли двое, высокий мужчина и женщина, чуть хромавшая на левую ногу, и начали торжественно зачитывать слова посвящения. Андрей слушал внимательно, только сильный ветер высоты заставлял его тело дрожать мелкой дрожью.

Глухо звучали в сером воздухе ритуальные фразы:

– Ты обречён на жизнь. Ты брошен в бытие без твоего ведома, воли и согласия, – начала женщина, хрипло, гортанно. – Тебе дана одна истина – путь. Тебе дано одно дело – движение. Двигайся вперед, не останавливаясь без достойной причины и не останавливая при этом других. Будь живым в полном смысле этого слова. Не разрушай благой силы жизни ни в себе, ни в других. Борись с препятствиями, но не борись с жизнью.

– Аминь, – повторял Андрей, кивая головой.

– Ты обречён на борьбу, – продолжил мужчина, неожиданно тонким голосом. – Любая борьба есть борьба с собой. В ней ты сразу – и победитель, и побежденный. Умей вынести то и другое достойно. Умей побеждать со смирением, не становясь от победы слабее. Умей проигрывать с гордостью, становясь от поражения сильнее. Тогда любой исход борьбы станет твоей победой и подвигом.

– Аминь, – голос Рублёва звучал всё тише и глуше; силы оставляли его. Стражи стояли, сложив руки на груди, почтительно склонив головы вниз.

– Ты обречён на подвиг, – заговорили вместе оба служителя. – Твоим подвигом может и должно стать любое дело, воспринятое и осмысленное как подвиг. Совершай его не ради славы или гордости, а так же, как шаг вперед: ты не можешь не идти, если время движет тебя. – Голос мужчины звучал всё тише, а голос женщины, наоборот, набирал силу. – ПодВИГ есть ДВИЖЕНИЕ. Каждое движение к добру – подвиг. Каждый подвиг – движение на шаг вперед, не более и не менее. Ты не можешь его не сделать. Так иди вечно от одного подвига к другому – от рождения и до смерти.

– Аминь.

– Ты обречён на смерть. Она так же внезапна и независима от тебя, как рождение, как жизнь, как истина. В основе страха смерти таится либо страх жизни, либо страх истины. На деле можно и нужно бояться только одного: вины. Осознавай как победу над смертью каждый миг твоей жизни, каждое биение сердца и мысли – с первого до последнего, и тогда тебе будет дано как минимум семьдесят лет бессмертия.

– Аминь, – почти прошептал наследник. Он смотрел ввысь, не понимая, что с ним происходит. А ритуал – продолжался.

– Ты обречён на бессмертие. Бессмертие – это отсутствие власти смерти в твоих мыслях, душе и жизни. Каждый день и час воспитывай и выращивай в себе бессмертие. В твоей воле распоряжаться им во благо или во зло. Распорядись им так, чтобы отсутствие власти смерти в твоём внутреннем мире не обернулось отсутствием жизни. Бессмертие и смерть – это просто различные виды жизни.

Ты обречен на жизнь. Так живи – и будь живым во имя жизни! – прозвучали в унисон голоса обоих служителей. Попугай подсказывал: «Поклонись! Ну же!»

– Аминь. Воистину так, – Рублёв сложил руки на груди и поклонился, коснувшись руками пальцев ног.

После этого мужчина и женщина ещё раз склонились перед Андреем, но не просто так, а чтобы торжественно сомкнуть на его руках и ногах золотые кандалы – символ тяжести, которую несёт в себе любая власть.

– Теперь, ваше величество, следует поклониться Розе. Это обязательная часть ритуала, – прокричал попугай. – Вот она, смотрите!

В сером небе, раздвигая тучи, появились огромная огненная роза. Она источала свет, она благоухала, она плыла по небу, направляясь к наследнику и при этом уменьшаясь в размерах. Сквозь её лепестки струился странный, невещественный свет, и холодно было Андрею, когда на его нагое тело в кандалах падали капли этого света.

– Вот она, Ваше величество! Роза вселенной! Поклонитесь же ей!

Подталкиваемый в плечи теплыми ладонями двух служителей, Рублёв встал на одно колено. Роза, принявшая естественные размеры, проплыла перед ним и перевернулась. Из лепестков перевернутой розы посыпались маленькие черные человеческие фигурки, напоминающие муравьев. Они дергались, хватались друг за друга, пытались спастись. Как ни был утомлён Андрей, его губы чуть изогнулись в усмешке при виде этих тщетных усилий. Еще недавно так же дергался и он... Смешно, смешно и досадно...

– Ешьте розу, ваше величество. Она сладка, как мёд... Не медлите, пока она не осыпалась! – хрипло проговорил попугай. Он уже не парил в воздухе, а сидел на железной ограде помоста, прямо напротив розы.

Наследник брезгливо, словно боясь запачкаться, оторвал от розы лепесток, положил в рот. Это и правда было сладко... Все служители церемонии начали отрывать и есть лепестки вслед за императором. Участвовали в этом и палачи, и Сарториус. Лепестков досталось ровно по три на каждого участника. Странное жгущее ощущение оставляла роза в теле каждого, кто причастился ей.

– И, наконец, ваше величество, – каркнул попугай особенно торжественно, – надо принести жертву, умилостивить богов. Священную жертву – за успех вашего царствования! Введите уготованных к закланию...

На помост ввели Вадима Берга и Майю. Оба нагие, они были связаны веревками воедино. На их телах были видны красные шрамы. Брат и сестра старались не смотреть друг на друга, их глаза, полные ненависти, были направлены на Андрея. Обросший бородой Вадим молчал, Майя шептала какие-то заклинания, но они не имели силы.

– Как их будут казнить? – выкрикнул Рублёв. – Я не хочу! Пощадите их...

– Увы, это невозможно, – сказал попугай. – Но для них избран самый милосердный способ жертвоприношения – казнь молодостью...

Палачи, только что избивавшие Андрея, облачились в длинные ризы и, взяв кадила, начали овеивать несчастных каким-то благовонием. Сквозь дым от кадил наследник видел, как молодые люди уменьшаются в росте, как нежнеют черты их лиц, – они превращались из взрослых людей в подростков, затем – в детей, младенцев, человеческих зародышей, плавающих в сиянии... Наконец от Вадима и Майи остались только две вертящиеся точки с хвостами. Попугай взмахнул пестрыми крыльями, и ветер унес эти точки куда-то вверх, в пустоту.

– Всё, ваше величество. Жертва принесена, – подвёл итоги Сарториус. Отныне вы – император и основатель новой монаршей династии. Теперь мы, ритуалмейстеры, можем поменяться масками – и Ритуал будет закончен... Снимайте маски, господа!

Служители культа, палачи, стражники и писцы сняли с лиц маски, – и оказалось, что многие из них были просто костюмами без человека внутри. Но ещё больше удивило Андрея то, что среди из иерархов, которым он давал присягу, были юрист Галяндаев и Валерия Казарская – его давние знакомые!

И Валерия с ними, оказывается... Так она заранее знала обо всём?

И тогда, когда пробралась к нему в комнату?

Может быть, она выполняла какое-то поручение?

Она – член Ареопага?

Как странно...

Это всё надо обдумать...

Но это – потом, потом...

Невыносимая усталость охватила Рублёва, и он без сил рухнул на руки и Валерии.

Казарская с Галяндаевым подняли бесчувственное тело императора и понесли его по лестнице вниз – на землю, к новой жизни и новой власти.

СКРИЖАЛИ ЗАКОНА

В Кабинете по престолонаследию, которым руководил Домострой, царил дух вечного ремонта. Высокие коридоры с ободранными потолками и стенами тускло освещались жёлтым лампочным светом. Полы были усыпаны облупившейся с потолков штукатуркой. Вдоль стен стояли ящики с упакованными вещами – ящик на ящике. Внутри них что-то тикало. («Сердца стучат», – объяснил Рублёву Александр Люцианович). Казалось, что тысячи подразделений Кабинета непрерывно переселялись из одного помещения в другое, нигде надолго не задерживаясь и при каждом переселении забирая все вещи с собой.

Андрей, только-только отоспавшийся и пришедший в себя после коронации, сидел посреди этого кабинета на шатком стуле перед донельзя замусоренным письменным столом. Восседавший по другую сторону стола в роскошном кресле Александр Люцианович Домострой, покачивая профессорской бородкой, не спеша объяснял Андрею смысл жизни.

– Все дело в том, юноша, что управление Срединным царством по определению должно быть плохим. И дело здесь не в размерах империи, требующих деспота, и не в характере народа.

– А в чем тогда? – осведомился наследник престола, морща нос.

– Не перебивайте меня, юноша... – профессорская бородка Домостроя качнулась неодобрительно. – Дело в том, что в наши дни цивилизация достигла такого высокого уровня развития, который начал угрожать его существованию. Люди, изнеженные комфортным бытом последнего полувека, не могут признать смертную казнь, войну, человеческие жертвоприношения оправданными. Они начинают отрицать то, на чем с начала времен стоит мир! Они заботятся о природе более, чем о сохранении и приумножении своего вида! Экология, чёрт побери! Апчхи! – Александр Люцианович неожиданно чихнул, как Карабас, от волнения.

– Будьте здоровы, – Андрей, пряча улыбку, услужливо протянул теневому правителю свой носовой платок.

– О-о-о... Вы делаете успехи, юноша, – с интересом посмотрел на наследника Домострой. – Так вот. С начала цивилизации мир стоял на страхе смерти и жажде жертв. Эта здоровая паранойя соответствовала сути жизни. Без жертвы, без священного страдания мир просто рухнет. Сейчас эти убеждения считают пережитками прошлого. Но прошлое ещё не прошло, вот в чём дело! А наши современники – во имя новой гуманности – отрицают старую добрую жертвенность, отрицают насилие, отрицают кровь! Они уже много веков считают преступлением, например, Варфоломеевскую ночь, – великий подвиг, после которого остановилось продвижение Реформации – и цивилизация была спасена!

– Так-так... – Рублёв недовольно покачал головой.

– Я понимаю вас, юноша, – качнулась профессорская бородка. – Вам не нравится этот примера? Но подумайте об одном. Что было бы, если бы гугеноты не были перерезаны? Протестантская Франция плюс Англия плюс Германия плюс Голландия плюс Скандинавия... – эта лига легко уничтожила бы Римскую церковь, лежащую в основе европейской цивилизации! Ведь одни французы, – не немцы, не англичане, – за каждый век, предшествовавший Реформации, несколько раз брали и грабили Рим! Если бы они стали протестантами, уничтожить папство было бы легче, чем запереть его в Авиньоне, – и прощай, духовный стержень, на котором тысячу лет держалась Европа! Протестанты, может быть, умеют торговать или творить милостыню, но они – люди д е л а, а не с л о в а, в них нет филологической жилки, любви к Слову – основе культуры! Они не способны, например, на проведении многочасовых диспутов об одном слове в Евангелии, они не ставят фразу в символе веры выше жизни целых стран, они

не могут породить ничто равное «Божественной комедии» – только сказки о Фаусте, о грешнике, о расколе! Герой раскола, поправший всё ради знания, как ни был бы и привлекателен, никогда не сравнится с духами дантовского рая, инквизиторами и пророками, поправшими всё – ради С л о в а, ради Бога! Апч-ч-хйи! Апчи-и-и! АПЧХИИ!... – здесь Домострой разразился громовым чиханием, которое продолжалось минут пять. Видно, он весьма разволновался.

– Вам плохо? – попытался спросить Андрей, но теневой правитель махнул ему рукой, – мол, отстань. Видимо, чихание доставляло этому существу удовольствие, для которого он и изводил себя проповедями. Несколько минут запылённые вещи в кабинете Домостроя содрогались от громового чиха. Рублёв молча созерцал это зрелище, стараясь не улыбаться.

Прочитавшись вдоволь, мэтр продолжил речь.

– Так вот, юноша. Организаторы Варфоломеевской ночи знали многое. Они знали Библию, в которой сказано: «Если брат твой отречётся от истинной веры, убий брата твоего!» Они помнили, что Моисей, получил десять заповедей, первым делом приказал левитам убить тех родичей своих, кои не веровали в его скрижали и поклонялись золотому тельцу! И потому Варфоломеевская ночь была горькой, болезненной, но необходимой операцией, принесшей сладкие плоды французской католической культуры, от Паскаля до Тейяра де Шардена, в последующие столетия! А из этого п о д в и г а гуманисты сделали заурядную поножовщину, – они, видимо, забыли, что Ромул, первый европеец, принес в жертву своего брата Рема, чтобы на его крови основать Рим – и с ним Европу! Они забыли, что мир без жертвы, без ритуального кровопускания раскис бы, завял, превратился в гнилое стоячее болото и рухнул бы – не от угрозы извне, а от собственной внутренней слабости, безжизненности, анемичности!

Это и угрожает нам сегодня. Люди прощают друг другу преступления, заменяя смертную казнь на принесение извинений, и считают это добротой. Но прощать зло значит попустительствовать ему. Христос призывал нас прощать обидчиков – только для того, чтобы Он Сам отомстил им! Наказание не отменялось, оно просто переносилось в высшую инстанцию, становясь оттого только тяжелее. А те, кто рассказывает басни о сентиментальной доброте проповедника из Галилеи, еще увидят, как его пронзенные гвоздями ладони сожмутся в кулаки, как он кровотоками от гвоздей руками укажет им дорогу – в преисподнюю, рядом с которой пытки инквизиции покажутся детскими играми! А-а-а-пчхйиии!

О Господи, что же я так... Не обращайтесь внимания, юноша. Слушайте! Чтобы мир не погиб, нам, высшему звену общества, необходимо задуматься о спасительной деградации человечества. Если оно шагнет еще чуть выше, к большей доброте, чем заповедовал нам Спаситель, – оно лишится иммунитета к насилию. Малейший вирус насилия, проникший в их души, не встретит в них сопротивления – и заразит их смертельной злобой. Люди будут совершать преступления, стократ страшнейшие, чем все, что мы знали доселе, если мы не научим их – сейчас – контролируемой глупости, контролируемому насилию, контролируемой жестокости. Несколько религиозных войн или пара-друга волн массовых репрессий сделают им ту прививку, которая поможет выстоять от возможных в любой момент вторжений вируса насилия. Люди должны огрубеть, озлобиться, деградировать, – иначе им не выжить.

И в этом им должны помочь мы, власти. И вы – в первую очередь! А-апчи!!! Вы должны стать плохим царем, деспотом, Калигулой, Андреем Грозным. Вы научите их равнодушно смотреть на кровь. При вас люди смогут снова закалывать своих первенцев на алтарях, чтобы привлечь к себе удачу. И вы должны показать им пример – праведного насилия, праведной жестокости. Это необходимо, чтобы спасти их от иной, несправедливой злобы, которая стократ хуже и опаснее. Вот ваш путь, и иного не дано! Апчи! – последний чих Домостроя прозвучал торжественно, почти как «аминь». Рублёв угодливо кивнул ему, держа в кармане кукиш.

Носовой платок Андрея к этому времени пришёл в полную негодность, и Александр Люцианович, ничтоже сумняшеся, препроводил его в корзину, полную мусора.

– Пройдёмте в медиазал, юноша. Я покажу вам то, чем вам предстоит заняться, – глухо произнёс он, встал с кресла и шаркающей старческой походкой направился к потайной двери, находившейся в стене, рядом с окном. Нажатие спрятанной среди мусора кнопки открыло её, и глазам старика и юноши предстал большой зал-амфитеатр. Его арена которого представляла из себя большой экран, над которыми двигались трёхмерные голограммы людей и вещей, находившихся далеко отсюда.

– Посмотрите сюда, Андрей Тимофеевич. Вы увидите своими глазами, как изготавливается главный резерв планеты – Живое Золото. К этому причастны и ваши друзья... Вам ведь знаком этот человек? – сухая рука старика указала в центр арены.

Там, привязанный за руки и за ноги к чему-то вроде святающегося вертела, вращался над круглым колодцем Глеб Лямзиков. Он был одет так же, как и в последнюю встречу с Андреем, в Осдомлите, – в зелёную вязаную кофту, бежевые брюки, нелепый берет. Выпученные глаза-блюдца смотрели в никуда, толстые губы что-то растерянно шептали.

Из колодца поднимался сизый дым, обдувавший те части тела Лямзикова, которые при вращении оказывались снизу.

– Из него делают золото? – сглотнул Рублёв. – А почему... почему из него?

– Апчхи, – подтвердил догадки Андрея Домострой. – Он был парень честный, чистый, на золото годился. Мы за ним давно следили. А после вашего дебоша в Осдомлите осмелел парень, не тому человеку о вашем престолонаследии сказал. Не ждали мы от него этого... Бог любит молчаливых. Пришлось раньше времени его оприходовать... Золота, может, будет чуть поменьше, но зато качество сохранится.

Тем временем тело Лямзикова от окуривания дымом стало прозрачным, как будто из стекла. Внутри стеклянного футляра светилось огненное сердце. Его золотое сияние постепенно распространялось по всему телу, ярким пятном выделяясь среди сизого дыма, заполнившего всё пространство голографического экрана.

Когда свет проник во все органы несчастного Лямзикова, его тело вспыхнуло нестерпимо ярко и начало стремительно сокращаться в размерах и обугливаться. Через минуту над колодцем уже не было человеческой фигуры, – только кусочек коричневатого вещества парил в воздухе и источал невыносимую вонь, хорошо передававшуюся современной голографией.

– Вот так. Вы чем-то недовольны? – спросил у хмурого Андрея Домострой, выключив трансляцию. – Всё хорошо. Лишний человек принёс пользу обществу. Добро снова победило.

– Да. Только что-то очень оно злое, это добро... – угрюмо ответил Рублёв.

– А иначе ему не победить. Такова жизнь, – закивал головой Александр Люцианович. – Вы поняли это, юноша? Это будет ваша работа – научить добро злиться! Иначе добра в мире скоро не останется! Вы – поняли?

– Что надо, то понял, – тихо сказал Андрей.

– Вот и славно! Апчхи! – торжественно закончил беседу Домострой.

Подготовительная лекция была прослушана.

Пришла пора царствовать.

ГОВОРЯЩАЯ ГОЛОВА

Утро решающей битвы с интервентами, которую должен был дать молодой царь, выдалось серым и скучным, почти безветренным. Только лёгкий запах гари доносился со стороны слободы Нелюди – там догорал подожжённый атлантистами дом дожития. Моховые плантации по всей округе также были уничтожены – чтобы не дать противнику источников продовольствия.

Побережье, у которого стоял Хрустальный дворец, было изрыто окопами с обеих сторон. Войска двух армий ждали, когда можно будет начать бой.

Войско Гольдмунда хорошо закамуфлировалось. Его почти не было видно из глубоких окопов и траншей, в которых сидели воины атлантической державы. Только иногда до главнокомандующего вооруженными силами Срединного царства доносились вражеский смех и хихиканье. Это удивляло и настораживало. Но думать о странном настроении врага было некогда – надо было начинать бой, пока враг не перешёл в наступление первым.

Вот над полем просвистела ракета – это был сигнал для армии Рублёва к началу сражения. Войска Срединной империи атаковали интервентов.

Первой была брошена в бой армия метателей электричества. На войско Гольдмунда двинулся строй рослых, плечистых сибирских солдат. Навстречу им из окопов вылезли... клоуны – низенькие толстячки, наряженные в цветастые костюмы, с рыжими шевелюрами и красными шутовскими носами. Они бежали вперёд, словно гонимые кем-то сзади, и смеялись, как дети. Оружия у них никакого не было.

Наступавшие солдаты Рублёва держали на плечах специальные электропушки, предназначенные для передачи электричества по воздуху. «Пли!» – закричали офицеры, и рядовые начали метать во врага молнии из темных оружейных срезов. Сотни, тысячи молний пронизали серое наэлектризованное пространство, пересекались и вспыхивали, от раскатов грома закладывало уши. Казалось, воздух закипел, превратившись в сияющее варево, пахнущее горелой кожей и мясом...

Как только первый залп отзвучал и сияние рассеялось, солдаты Срединного царства с удивлением увидели, что шуты Гольдмунда ничего не предприняли для своей защиты. Они лежали, обожженные, на поле, корчась в предсмертных судорогах... и смеясь! Клоуны хохотали там, где надо было бы кричать не своим голосом... Они смеялись настолько беззлобно и безобидно, что ошеломленные рядовые, все, как один, невольно повскакали со своих мест и подбежали к ним – взглянуть поближе, понять, почему они так хохочут, что за чудо такое... Им что, не больно???

Как только солдаты подбежали к раненым шутам, их судьба оказалась решена. Из-за тел поверженных клоунов, из окопов, поднялось второе вражеское войско, вдвое больше первого, и начало бомбардировать сибиряков – не молниями, не теплом, а – смехом... Смех звучал над полем боя, оглушающе громкий, и гипнотизировал солдат.

Бойцы, услышав звуки адского хохота, теряли самообладание, падали, начиная так же смеяться, как и враги... Заражённые магическим смехом, они лежали, дергаясь, на земле, – рядовые и лейтенанты, капитаны и полковники, – и хохотали, страшно, мучительно, до смерти. Только смерть останавливала этот заразительный, убийственный смех.

Электропушки, стреляющие молниями, лежали около позиций Срединного царства, абсолютно бесполезные. Атлантисты бродили по опустевшим укреплениям сибиряков и собирали трофейное оружие, брезгуя некачественными или повредившимися пушками.

Но у Срединного царства было ещё одно секретное оружие – невидимые танки.

Танки продвигались по полю боя, незаметные взгляду, оставляя за собой на земле широкие следы от гусениц. Клоуны не замечали этого, сосредоточенно продолжая подбирать оружие убитых. Вдруг из незримых дул метнулось оранжевое пламя, и несколько шутов упали на поле – мёртвые. Остальные испуганно заметались, но судьба их была решена: они были либо убиты залпами, либо раздавлены гусеницами.

Страшно было смотреть, как пёстро наряженные шуты в широких полосатых штанах, цветных пиджаках и рыжих париках падали, раздавленные пустотой, как покрывалась кровью и грязью их одежда, как выползали на землю внутренности и хрустели кости, переломанные чем-то невидимым...

Но у Гольдмунда было ещё одно войско, способное прийти на смену поверженному. Из окопов атлантистов, около которых уже виднелись первые гусеничные следы, вышли амазонки.

Женщины невиданной красоты, смуглые и бледнокожие, светло- и темноволосые, одетые только в сетки из золотых звенящих нитей, выбегали на поле боя, танцуя. Они то приближались к гусеничным следам, то отбегали от них, оставляя на глине отпечатки маленьких босых ступней. Они то кланялись, почти касаясь телом земли, то словно взмывали в воздух, звеня золотыми браслетами и бубенцами на руках...

Движение невидимых танков остановилось. Ни одна из прекрасных воительниц не была раздавлена или застрелена. У них не было никакого оружия, но красота, невероятная, неземная, гипнотизировала солдат и лишала воли. Скоро солдаты повылезали из невидимых танков, не в силах стрелять по женщинам.

Амазонки танцевали, улыбались и подмигивали суровым сибирским мужчинам, гипнозом своей красоты погружая их в сон. Воины засыпали, опираясь на невидимые военные машины, и ничто не могло пробудить их. Губы спящих солдат улыбались – им снилась любовь.

Когда все бойцы уснули, в бой была брошена гвардия атлантистов – войско электронных муравьёв и стрекоз. Небо потемнело от туч мошкары, по земле к спящим воинам протянулись темные реки насекомых.

В течение нескольких минут на поле боя был слышен только механический шорох стрекозиных крыл и хруст мелодично разгрызаемой солдатской плоти. Когда он затих, от бойцов остались только обглоданные скелеты в продырявленном серо-зелёном камуфляже.

Атлантисты могли торжествовать победу...

На поле у стен Хрустального дворца вышла депутация атлантистов, готовая вести переговоры о сдаче крепости на милость победителя. В числе парламентариев были Мейстер Гейнрих, Ох и Эрис – вожди магов, шутов и амазонок. Гольдмунд наблюдал за ними, находясь в отдалении, на холме, в белом полководческом шатре.

Но обитатели Хрустального дворца не спешили говорить о своём поражении. В те самые мгновения, когда муравьи обгрызали спящих мёртвым сном солдат Острога, Сарториус в бункере пытался создать из живого золота оружие возмездия, способное переломить ход войны. Эмпедокл помогал ему в этом. Только что коронованный император Андрей тоже присутствовал при совершении обряда.

– Ваше величество, – проговорил попугай, держа в лапе прозрачную колбу с желтоватой жидкостью, – прошу открыть коробочку с Главным Резервом. По закону это можете сделать только вы, и только в самый трудный для империи час. Прикоснись вы к золоту до коронации, ваше тело распалось бы на атомы...

Император, бледный, встревоженный, открыл спичечный коробок. Находящееся в нём вещество имело коричневый цвет, землистую фактуру и весьма противный запах. От вида золота Рублёв оробел, – настолько увиденное им расходилось с его представлениями о главном богатстве Земли.

– Не пугайтесь, ваше величество, – глухо проворчал тигр. – Всё оно так в нашей жизни. Хотим найти золото, а получаем дерьмо. Но и от дерьма может быть польза... Возьмите его ложечкой и положите кусочек в колбу.

Андрей взял услужливо протянутую попугаем мерную ложечку, преодолевая тошноту, набрал немного коричневого вещества и погрузил его в колбу. Жидкость, набранная в неё, начала пениться и бурлить.

– Всё идёт хорошо, – заявил попугай. – Теперь, ваше величество, мы смеем просить вас нацедить каплю вашей крови вот сюда, в эту пробирку... Сейчас это необходимо... Эмпедокл, неси пробирку!

Тигр принёс в зубах большое серебряное блюдо, на котором лежала тоненькая пробирка и красная игла с большим ушком. Андрей, слегка поёжившись, как он делал всегда, когда приходилось сдавать кровь, уколол безымянный палец и выдавил красную капельку в подставленную попугаем пробирку.

Стеклянная ёмкость сразу наполнилась кровью, притом не алой, а чёрного цвета.

– Теперь по частям перелейте вашу кровь в колбу. Процесс подошёл к решающей стадии, – шепнул под ухо императору Сарториус. В бункере настала тишина – ни попугай, ни тигр старались не дышать, чтобы не спугнуть волшебство. Эмпедокл даже глаза закрыл.

Андрей осторожно капнул чёрной жидкостью из пробирки в колбу. Там началось брожение, бурление, чёрные, жёлтые и коричневые струи сплелись в единый узел... С каждой новой каплей крови этот узел становился всё плотнее, приобретал человекоподобные очертания.

Когда пробирка опустела, всё содержимое колбы приняло форму миниатюрной человеческой головы – размером с детский кулачок. Это была голова старика, лысого, с седыми кустистыми бровями, пышными усами и мощным подбородком. Глаза гомункула были закрыты.

– Это Боян, слепой певец-маг, живший тысячи лет назад, – объяснил удивлённому Андрею Сарториус. – Мы воссоздали его голову, чтобы использовать певческую силу древних для нашей победы. Прикажите ему петь, ваше величество!

– Пой, Боян! – срывающимся голосом крикнул Рублёв. Голова, не открывая глаз, начала смутно гудеть, шевелить губами и щеками. Затем в бункере зазвучало пение – медленное, глухое, мелодичное. Вместе со звуками из уст поющей головы выходил сиренево-сизый туман. Он поднимался из колбы тонкой струйкой и поднимался под серый неровный потолок.

– Началось! Быстро выносите голову наверх! Надо, чтобы туман обволок вражеский стан! – крикнул попугай. Рублёв ринулся в двери бункера, по коридору, по лестнице, в лифт – скорее наверх, на башню... Слуги поспешно открывали двери перед бегущим императором. Попугай летел сверху, и сзади, тяжело дыша, еле поспевал бежать грузный тигр.

Но вот уже они на башне, с которой открывается вид на Хрустальный дворец и побережье. Песня Бояна становится всё громче и громче, она несётся над наступающими вражескими рядами, как облако тумана, обволакивая амазонок, стрекоз и муравьёв, растворяя их очертания. Яркие маски лежащих на земле клоунов, прекрасные нагие тела амазонок, серо-голубые крылья стрекоз – всё постепенно растаивает в звучащем сиреневом облаке.

Наконец облако доползло до вражеской ставки. Белый шатёр Гольдмунда быстро растаял в нём. Но посреди сиреневого облака продолжало светиться светло-голубое сияние, в котором вниз головой парил ребёнок, сложивший руки и ноги в позе Будды. Глаза ребёнка были закрыты, – он медитировал, пытаясь преодолеть вражескую магию.

Но песня Бояна делала своё. Гольдмунд уменьшался, очертания его лица и тела непрерывно менялись. Из мальчика он превратился в девочку лет пяти, из неё – в новорожденного младенца, сизого от слизи, из младенца – в крутолобого зародыша, из зародыша – в движущуюся точку с хвостом. Точка несколько мгновений носилась по пространству, источая синее сияние и не желая исчезать, но и она в конце концов вспыхнула – и с громким щелчком растаяла в воздухе. Синий свет погас.

Голова Бояна с завершение песни также исчезла – растворилась в тумане, который сама же и произвела. Легендарный певец весь изошёл в собственную песню и прекратил своё существование.

Но война была выиграна. Короткая, кровавая и победоносная. Как все любят.

– Поздравляю вас с победой, ваше величество! – громко крикнул попугай.

– Да-а... Вовремя мы вас короновали, – глухо поддакнул тигр. – Не будь у нас императора, некому было бы оружие создать... Гхххм... Повезло нам, опять повезло. Интересно, сколько ещё нам так везти будет? Удача, она ведь не вечная... А сейчас – поздравляю, конечно. Поздравляю... Гхххм...

Андрей молчал. Ему было не до восторгов и поздравлений свиты.

Он был погружён в неприятные размышления.

ВОСКРЕСЕНИЕ ЛЕВИАФАНИ

Переживания, связанные с несостоявшейся казнью, коронацией, колдовством и войной, опустошили душу Андрея. Казалось, он уже не был способен ни радоваться, ни грустить. Выражение серого безразличия не сходило с его лица.

Вечером после победы молодой император сидел в своей комнате в Хрустальном дворце, которому уже ничего не угрожало. С ним были только Эмпедокл и Сарториус. Общаться с людьми не хотелось. Празднества в честь спасения города и империи были отложены. Государю, в несколько дней пережившему гибель, коронацию и войну, надо было сначала прийти в себя.

В комнате горели свечи, звучала негромкая музыка. Восточные курильницы источали сиренево-синий дым. Посреди комнаты в полумраке светился позолоченный столик, на котором стояли самые изысканные блюда – моховой камамбер, моховая икра, моховое шампанское.

Андрей сидел в вольтеровском кресле напротив стола, на прикасаясь к яствам, и молча смотрел куда-то в невидимую точку. Длинные пальцы на его руках, лежавших на подлокотниках, чуть шевелились. Горькая складка в углу у рта стала ещё глубже. Поперёк лба пролегла морщина.

– Ну, что же, ваше величество, – пробурчал тигр, желая вывести императора из транса. – Поздравляю с победой. Дай бог, не последней... Гхххм... Нам бы, англам, такое оружие, как вам... Да поздно уже. Хорошо хоть, вы спаслись... Поздравляю...

Лицо Андрея не изменилось, только губы чуть дёрнулись. Император продолжал молчать.

– Кхе-кхе... Ваше величество, мы победили, но... – прокашлявшись, подобострастным голосом начал попугай. – Но... были понесены большие потери... Погибли ваши близкие люди...

– Что? Знаю, знаю... – вышел из забытья Андрей. – Дом дожития сгорел... А там родители были... Я их освободить обещал... Помню, да...

Император не хотел думать и переживать о судьбе своих несчастных родителей. Он стремился стать таким, каким должен быть правитель, – машиной, организующей правильную работу государства. Только так он мог выжить на этой войне... Уроки Домостроя не пропали даром.

– Речь идёт не только о них, – робко проговорил попугай. – Я должен вам сообщить ещё одну неприятную новость...

– Какую? Говори, не томи, – Рублёв оперся подбородком на руку. Глаза его потемнели. – Что там ещё?

– Ваша подруга... Я знаю, вы раньше дружили с некоей Ольгой Левиафани...

– Что? Что с ней? – прежнее безразличие оставило императора. – Говори!

– Она была взята в плен атлантистами и погнужена в сон. Помните, тогда, когда они жгли дом дожития... Она пыталась спасти ваших родителей, но ничего не смогла... Мы её отбили, но...

– Что? Она жива? – Рублёв невольно сорвался на крик.

– Жива, ваше величество. Но она – спит... И мы не можем её разбудить...

– А живое золото?

– Оно бессильно... Увы... Может быть, дело в том, что разбудить её можете только вы...

Андрей чертыхнулся, откинулся в кресле назад и сложил руки на груди. Взойти на плаху, стать царём, выиграть войну, потерять семью – и всё за одну неделю... Кто это так над ним шутит?! Какой там Паяц? И всё ему мало...

– Где она? – резко бросил он.

– Мы разместили её в императорском склепе. Под дворцом. Там, где хоронят всех особ правящей династии... Вы можете проследовать к ней хоть сейчас... если изволите... – угодливо зачастил попугай.

– Я иду к ней! – Рублёв быстро встал, погасил свечи, включил свет и направился к лифту. – Вниз, вниз!

* * *

Склеп Левиафани был просторен и пуст. Стены, покрытые дорогим негаснущим фосфором, чуть светились в темноте. На полу были изображены чёрные ангелы, висящие на чудовищных ветвях вниз головой, сложив крылья, как нетопыри. Каждый, проходящий по склепу, невольно попирает их ногами.

В воздухе сновала светящаяся мошкара, прижившаяся в загробной тишине. Их мельтешистый свет раздражал зрение. Атмосфера была довольно жуткая.

Ольга лежала посередине склепа, в позолоченном гробу, бледная, сложив руки на груди. Гроб был уложен цветами и обвит святающимися изображениями змей, сплетших свои тела. Змеи были исполнены так хорошо, что казались живыми, Андрею даже стало чуть боязно от вида из фосфоресцирующих пастей.

В ногах Ольги лежали драгоценные часы, способные работать в течение тысяч лет. Они отсчитывали время до её воскресения, – оно должно было состояться в будущем, и неважно, силой чуда или науки. Тиканье часов было единственной музыкой, сопровождавшей Ольгу в вечность.

Рублёв подходил к гробу медленно, не смея поверить в то, что произошло с любимой женщиной. За ним, на расстоянии шага, следовали Эмпедокл и Сарториус. Они вполголоса спорили о том, оживёт Ольга или нет.

– Время идёт, а уходят люди, – меланхолично басил тигр. – Одни мы, машины, вечны... Гхххм... А людей не починить... И эту царевну тоже... вряд ли что у него выйдет.

– Почему ты так думаешь? – резко спросил попугай.

– Так лучшие маги наши были бессильны... А он – он все силы на битву потратил. Вряд ли даже живое золото ему поможет...

– А спорим, поможет? – Сарториус вскинул хохолок. – На что хочешь!

– На три разряда электричества. Если выиграю, хоть поживее стану! Вы меня вечно в замороженном состоянии держите, чтобы я вам всё не разнёс... Гхххм... А мне пожить, почувствовать в полную силу охота, – мечтательно прошептал задумчивый тигр, вдохновенно подняв морду вверх. Усы его распрямились от появившейся надежды.

– Спорим! – попугай щелкнул когтями. – А если проиграешь, я тебя от питания на три дня отключу. Надоел ты мне своим скулением!

– Согласен. Только тихо, тихо... Государь сейчас царицу оживлять будет, – Эмпедокл опасно махнул хвостом туда, где молча, склонившись над телом любимой, стоял Андрей Рублёв.

Ольга Левиафани лежала, как живая, и тонкий чувственный свет исходил от её лица. Тиканье часов звучало мерно и навязчиво... От смерти любовь Рублёва стала только прекраснее. Хотелось стоять, не шевелясь, и смотреть на неё, и смотреть...

Постояв несколько минут в ритуальном молчании, Андрей приступил к обряду пробуждения Ольги Левиафани. Открыл приготовленный коробок с живым золотом, – коричневым, дурно пахнущим, – и осторожно смазал им веки и губы Ольги. Веки дрогнули; губы начали дышать... Ольга возвращалась к жизни.

– Ну, что? – торжественно бросил Андрей Сарториусу. – Это вы не могли её оживить! Я – всё могу! Я – царь!

– Виноват, ваше величество... Ошибся... – зачистил Сарториус, пытаясь скрыть радость от выигранного пари.

– Угу, – вдвойне угрюмо, чем обычно, поддакнул Эмпедокл.

Ольга потянулась в гробу и открыла глаза. Взгляд её напугал Рублёва: он оказался злым и бессмысленным, как у душевнобольных. Левиафани приподнялась в гробу и начала быстро-быстро что-то говорить. Сначала никто не мог понять, что она лепечет. Постепенно её речь стала более членораздельной, но смысла не приобрела.

– Отнюдь. Категорически. Кочевряжится. Быстротечность. Мельхиседек. Баракло. Гипотетически. Здравствуй. Счастье. Новый. Год! – Ольга произносила нисколько не связанные друг с другом слова.

– Это она ещё не пррроснулась... Мозг ещё не весь ожил... Он оживёт, и она начнёт понимать, что говорит... – зашептал ошарашенному Андрею попугай.

– Как-то не могу я привыкнуть к тому, что у вас тут, во дворце, творится, – растерянно пробормотал Рублёв.

Но, несмотря на удивление, его губы постепенно растягивались в счастливой улыбке.

Она жива! Ольга – жива!!!

– Поцелуйте её, государь, – тихо посоветовал Эмпедокл. – Она тогда быстрее придёт в себя...

Молодой император наклонился к Ольге и поцеловал её в бескровные губы... Яркая вспышка синего света в тот же миг ослепила его. Тиканье часов прекратилось. Под сводами склепа воцарились тишина и тьма.

– Что? Что такое, чёрт побери? – вне себя от ярости закричал Андрей.

– Не волнуйтесь... ваше величество... – попугай зажег одну из потухших свечек. – Это случайно... перегорел источник освещения... Это поправимо.

Свечи, получив новый заряд тока, загорелись опять. Но их свет был уже не тем, что раньше, – мёртвым, механическим, холодным... В его резких лучах было видно, что в гробу, там, где лежало тело Левиафани, сейчас находится только грудa серо-голубого пепла...

– Где? Где она?!! – Рублёв схватил попугая за хвост и чуть было не разбил птице голову о край саркофага. – Говори, курица!!!

– Простите... Это не я! – завопил Сарториус. – Это вы... вы!... Это ваш поцелуй! Он её сжёл...

Андрей разжал пальцы. Встал прямо, как вкопанный. Закрыв глаза. В розовом сиянии, разлившимся под тяжестью прикрытых век, пронеслось печальное лицо Ольги... а потом – лицо Казарской... Злое... Смелое... Улыбающееся...

– Что же... Ваша взяла, – сказал государь непонятно кому. – Сдаюсь. Всё я получил, и всё потерял... Как и было сказано. Ведите меня домой... в мои покои. Я хочу спать... спать... спать! – губы молодого человека скривились, он готов был разрыдаться.

Тигр и попугай, бросая друг на друга гневные взгляды, повели Рублёва к лифту.

Надо было прийти в себя... и браться за государственные дела.

ВИЗИТ ВЫСОКОПОСТАВЛЕННОЙ ОСОБЫ

...Но завязался узел, накрепко завязался, просто так не развяжешь.

Ночь после исчезновения Ольги выдалась холодная, грозовая. Над Хрустальным дворцом бушевала буря.

Андрей ворочался в постели, мечтая уснуть, но сон не шёл к нему. Наконец он начал было проваливаться в забытё, но его неожиданно разбудил стук в окно. «Кто это там? Птица, что ли?» – удивился Рублёв.

Стук повторился, громкий, навязчивый. Затем послышался чей-то сиплый, простуженный голос. Рублёв подошёл к окну, выглянул... Ноздри, огромные, жадно вдыхающие ночной воздух, были первым, что он увидел.

Постепенно темнота растворилась, открывая взгляду небывалую картину. Напротив окна царской опочивальни, располагавшегося на сорок восьмом этаже, в воздухе парил человек лет сорока – мокрый, растрёпанный, обросший бородой, в красной рубахе и белых портках. Под его босыми пятками мелькали юркие, шустрые молнии.

После всего, что произошло в последние дни, Андрей был уже не в состоянии чему-то удивляться. Он просто расширил глаза и замер, тупо глядя перед собой. Несколько секунд два человека неподвижным взором смотрели друг на друга. Потом пришлец, ёжась от холода, сипло протянул:

– Окно открой, а... Холодно ведь...

Андрей послушно открыл окно. Гость ступил грязными пятками на подоконник и спрыгнул на ковёр, оставляя после себя всюду комья мокрой земли. Потом пристроился в красном мягком кресле у камина, положил ногу на ногу. Андрей молча смотрел на всё это.

– Ну, Андрюх, понимаешь, кто я? – спросил гость, почёсывая у себя под мышкой.

– Нет... нет, – пробормотал вконец обалдевший наследник престола. – Я... это...

– А! Ты из непонятливых? Так я объясню, коли так. Григорий я, раб Божий, фамилия моя – Новых, также Распутиным зовусь. Сто лет тому я Русью-матушкой правил. Многоночь нагрешил, теперя вот мыкаюсь. Здесь царём был, тама бедняком стал – вот оно как хитро у батюшки Христа устроено... По его воле я к тебе и пришёл, сказать кое-чаво надо.

– А ч-что? – заикаясь, пробормотал Андрей. – Да... а как говорить будем?

– Как, как... Как люди. За чашкой чаю... – просипел гость. – Замёрз я от ливня вашего. В наши дни не бывало такого... Чайку попьём, побалакаем, я те и скажу. Чай-то у вас есть небось, в вашем завтра? Как оно там?

– Чай есть, ваше благородие... – запутался Рублёв. – Из мха... На плантациях выращиваем... Пить можно.

– Ох, вы, потомки... Ну разве можно так? Всю травку-муравку хорошую вывели, теперя лишайником питаетесь... Ну, давай мохового вашего пойла, с такой холодрыги и оно пойдёт.

Андрей вскипятил чайник, налил чаю в блюдечки (чашек гость не признавал). Расположились за круглым столиком, выпили по глотку зелёной жижи. Григорий особенно шумно, смакуя, втягивал в себя чай, при этом хлюпая большим чернявым носом.

Несколько минут императоры молчали: один наслаждался чаем, другой – не мог понять, снится это ему или он сошёл с ума. Наконец Рублёв робко так спросил у гостя:

– Григорий Ефимыч... Ваше величество...
– Ась? – спросил Распутин, оторвавшись от блюдечка.
– Вы... это... скажите мне, если можно: как там... после смерти? Легко ли, трудно ли? Я уже земной жизнью не дорожу особо, но страх, *что будет там*... он тревожит как-то...
– А чего тут не понимать? – всхлипнув носом, усмехнулся Григорий. – Вокруг себя посмотри... и поймёшь, какой он, ад.
– Вы как это говорите... метафорически? – удивился молодой царь.
– Да не! Правду говорю! – гаркнул в ответ царь покойный. – Скока можно твердить! Да пойми ты, мил человек, что мы давно уже умерли, все! Мы и есть в аду.
– Мы? В аду? – у Андрея ум за разум начал заходить.
– А как ты думал? Та каша, где мы все варимся, – это ад, который нам за грехи дан. Знашь, ад ведь – это не пламя и черти со сковородками, ад – это сам человек... И вокруг тебя все – это не люди, это твоей душонки частички. Что ты заслужил, то тут и видишь... А тама, на Земле, можа, всё наоборот идёт, не как здесь. Там, можа, меня убили, поцарить не дали! Там, можа, царей сто лет как сбросили! Там, можа, не только мох растить умеют! – почти кричал Гришка, развалясь на стуле и потирая рукой рубаху под бородой. – А у нас здесь – всё так, как мы, дураки, заслужили. Тока мы не знаем, что умерли, – это лишь самым умным умникам известно.
– А вы, Григорий Ефимыч... вы откуда это знаете? – сообразил вдруг Андрей. – Вы что... откуда?
– Ну да, унучок. Я воскрес ужо. И там, в Расейской Федерации (так там Русь-матушка зовётся), двадцать годков как дворником работаю. Работёнка так себе, но жить можно. Не всякий день ем, но жив пока, как видишь...
– Да это... Как это... Я что – мёртвый? – до Андрея с трудом доходила поразительная новость. – Всю жизнь?!!
– Да, да, – смешливо хрюкнул Распутин, выпустив из носа струйку чая. – Ты шибко не удивляйся. Я когда тока понял, что умер, от страха чуть не свихнулси. Ты берегись. Свихнёсси – не воскреснешь потом, не поживёшь по-настоящему.
– Вот оно как... – в мозгу Рублёва наконец-то что-то прояснилось. – И как там? Лучше, чем у нас?
– Да как те сказать, малой... Нравы почти те же, – балакал Распутин, вытаскивая пальцами муху из настойки. – Навука слабже. Но летом тепло, а зимой холодно. И пожрать можно не только моху, но и хлебушка, и мяска... Коли деньжата есть, конечно. Но это пока. А скоро всё так же будет, как здесь. Так что, малой, не конфузься. Отмучься скорей – и к нам, на землю! Воскресать, правда, больненько будет, все кишки выворачивает, все кости болят... А там всё полегше. Воскресай скорее, пока земля в ваш ад не превратилась, хоть хлеба пожуёшь нормального! Ей-ей, унучок! Так лучше будет!
– И сколько мне предстоит тут... мытариться? – осмелился спросить наследник. – Долго?
– Можа, долго. А можа, нет. Мытариться ты бушь, пока ты сам до себя не дорастёшь, детка, иначе говоря –
пока
ты
не
научишься
отвечать
за
свои
дела!

Последнюю фразу Распутин проговорил чётко, чеканя каждое слово. Потом вздрогнул, повёл плечами, словно от холода, и... растаял в воздухе. Только на ковре остались комья грязи и следы босых пяток да на столе бурозелёные пятна пролитого чая.

Андрей сидел, не смея пошевелиться. Он привык, что в этой игре можно ждать чего угодно, но такого... Никогда он не представлял, что подобное может произойти.

А что ещё будет!...

БЛЕСК И НИЩЕТА ВСЕГО И ВСЯ

Жизнь Рублёва текла по намеченному руслу. Боль от вторичной утраты Ольги не могла изменить её движения. Ему, императору Срединной империи, победителю атлантистов, защитнику Острога, было не к лицу публично выражать эмоции, тем более что о любви Андрея к Ольге широкой публике не было известно. Как раз в дни, когда империя отмечала победу, на тайных переговорах начал обсуждаться возможный брак Рублёва с царьградской императрицей Софией, необходимый, чтобы защитить город-герой Царьград от посягательств атлантистов, разбитых, но способных быстро восстановить свою мощь.

Согласно традиции Срединной империи, полководец, одержавший выдающуюся победу, награждался триумфом – торжественным чествованием на улицах Острога. Андрею предстоял триумф.

Подготовка праздника обычно проходила быстро. Через две недели после гибели Гольдмунда Рублёва, облачённого в пурпурные одеяния, повезли на колеснице по улицам столицы.

Специально для того, чтобы в день триумфа светило солнце, всю предшествующую неделю светило работало в режиме жёсткой экономии – светило только по три часа в сутки. Жители Острога были рады потерпеть, лишь бы насладиться зрелищем грандиозного карнавала, всегда сопровождавшего триумф.

Императора Андрея Первого везли по залитым светом улицам, мимо прозрачных, переливающихся всеми цветами радуги зданий, на огромной лакированной колеснице, украшенной цветами тридцати трёх сортов, три из которых – синие розы, светящиеся астры и звенящие лилии – были выведены специально для триумфальных процессий. Соприкасаясь лепестками, цветы издавали звуки, складывавшиеся в тончайшие, изысканные мелодии.

Везли колесницу четыре механических тигра, один из которых – Эмпедокл – шествовал по улицам с особенно унылым видом, словно говоря: «Как мне надоели эти ваши торжества!» Впрочем, его мизантропия была практически незаметна на фоне темпераментного рыка соседа по упряжке, алого тигра Гераклита. Этот электронный зверь потрясал светящейся пурпурным светом мордой, бил себя по бокам хвостом, потрясая воображение собравшихся на площади горожанок и детей, и постоянно пытался разбудить ярость в других тиграх, шедших рядом.

За колесницей неторопливо шествовали прозрачные слоны, сделанные из специального вещества – невидимой стали. Толпе были видны контуры животных и сидящие внутри них механики, согнувшиеся в немыслимых позах – вверх ногами, вниз головой – и нажимающих пальцами ног и рук на полупрозрачные кнопки, расположенные по всей поверхности яйцеобразной полости в теле чудо-слона, служащей их местом работы. Слоны качали головами, хлопали ушами, время от времени подымали хоботы и издавали трубные звуки, ранее записанные Острожским академическим оркестром.

За слонами на высоких красных платформах ехали мужчины и женщины, символизирующие все этапы истории человечества – от начала времён до великой Рублёвской эпохи.

Обнажённые Адам и Ева; косматые первобытные люди, задрапированные леопардовыми шкурами; греческие и римские латники и амазонки; индийские раджи и их жёны, звенящие браслетами на руках и ногах; средневековые и ренессансные вельможи, аристократы восемнадцатого и девятнадцатого веков, – все были здесь, все позировали и красиво передвигались по передвижным подиумам, освещаемые потоками звучащего разноцветного света. А завершали процессию счастливые жители Острога распутинской и рублёвской эпохи. Они улыбались ярче всех, их руки и лица были выкрашены в праздничные цвета – синий, зелёный и белый, и на руках и ногах их звенели браслеты из поющих цветов.

За масками по улицам ехало Колесо времён – гигантское колесо обозрения, передвигавшееся на огромной гусеничной платформе. Оно постоянно вращалось, и сквозь его прозрачные стенки горожане могли видеть акробатов в ярких костюмах-домино, пытавшихся по иллюминированным ступенькам залезть на высшую точку колеса и постоянно падавшим вниз, на батут, установленный внизу, под колесом. Упав, акробаты взлетали и снова карабкались вверх, чтобы в очередной раз свалиться на батут. А сверху, над колесом, на невидимых издали подпорках «левитировал» маг в короне императоров Срединного царства.

В конце карнавальная процессия на огромной, превосходящей императорскую колесницу ехали высшие чины империи, члены Ареопага и участники Высочайшего Кабинета. Все в Остроге прекрасно понимали, что именно им молодой государь обязан победой. Чиновники в чёрных костюмах с эполетами, перевязанных красными орденскими лентами, восседали с важным видом на креслах, стоявших на гигантских красных иллюминированных пирамидах.

Символизировавшие поверженных врагов нагие рабы, раскрашенные под индейцев и негров, волокли эти колесницы. Их лица выражали дикую озлобленность и бессилие перед

мощью Империи; раскосые глаза были выпучены, алые рты перекошены, косицы на бритых головах тряслись в такт их шагам.

Могучие тела рабов еле справлялись с возложенной на них работой, и, если кто-то ленился, разряд электрического тока, передаваемый по воздуху в виде молнии, мгновенно подбадривал упряма. Стоны пленников, нарочито громкие, вызывали в толпе злорадный хохот. Все понимали, что жалеть этих людей нечего: в случае их победы они повели бы себя стократ более жестоко.

В миг, когда царский кортеж подъезжал к центральной площади Острога, молодой император – возможно, от холодного ветра, возможно, заразившись какой-то инфекцией от Домостроя – начал чихать, чихать неистово, свирепо и вдохновенно. Его туловище сотрясалось, лицо сморщилось. От напряжения тело императора стало прозрачным, сквозь него начало просвечивать небо...

Измученные люди смотрели, как государь, только что спасший величайшую в мире империю от гибели, трясётся в судорогах, как его окружает странный вихрь из пёстрых – синих, красных, жёлтых – пятнышек, как этот вихрь поднимает императора и уносит его в небеса...

Царская колесница была пуста. Несколько минут стоял над ней световой столб, но вскоре и он растаял в воздухе. Солнечное сияние над Острогом прекратилось, небо покрыли привычные тучи, начал накрапывать мелкий дождик.

Молодой император, не вынеся бремени власти, ушёл от людей – ушёл в область разрыва, в иное измерение.

Страна осиротела, не успев отпраздновать очередную великую победу.

АЛЕКСАНДР ВОЛЬТ ПОКАЗЫВАЕТ ЗУБЫ

ПРИКАЗ № 1

**Его Императорского Величества
Александра IV**

«ОБ УСТАНОВЛЕНИИ ОБЩЕСТВЕННОЙ СПРАВЕДЛИВОСТИ В ОСТРОГЕ И СРЕДИННОЙ ИМПЕРИИ»

Во имя преодоления общественного неравенства и укрепления палочной дисциплины в Срединной империи Мы, Император Александр IV, приказываем установить справедливое распределение мха между гражданами Острога и остальной империи (мохразвёрстку).

Настоящим приказом устанавливается норма питания для рядового гражданина империи, равная 300 граммам моховой продукции в сутки. Медицинским службам повелевается донести до населения информацию о вреде питания для здоровья.

Каждый гражданин Срединной империи, имеющий возможность употребить более 300 граммов моховой продукции в день, обязан предоставить излишки государству для пополнения Государственного мохового резерва.

Каждый гражданин Срединной империи, суточный рацион которого составляет менее 300 грамм моховой продукции, имеет право обратиться за получением недостающей продукции в Государственный мохрезерв.

На Царскую семью, августейший двор и привилегированные слои населения Срединной империи (агентов Ареопага, рабочий персонал Хрустального дворца и прочих приближенных к высочайшему престолу граждан) данный Приказ не распространяется.

ПРИКАЗ № 2

**Его Императорского Величества
Александра IV**

«ОБ УВЕКОВЕЧЕНИИ СЛАВНОЙ ПАМЯТИ ИМПЕРАТОРА СРЕДИННОЙ ИМПЕРИИ АНДРЕЯ I НЕЗАБВЕННОГО»

Во имя сохранения исторической преемственности и повышения международного авторитета Богосозданной власти Срединной империи Мы, Император Александр IV, приказываем увековечить память нашего августейшего предшественника Андрея I (Рублёва) в названии валюты Срединной империи – андреевского рубля.

Повелеваем отчеканить на императорском монетном дворе коллекционную серию из 30 монет номиналом 1 миллиард рублей с портретами в Бозе почившего императора Андрея и его девизом: «БОГ ЛЮБИТ МОЛЧАЛИВЫХ»

Монеты пожертвовать создаваемому Государственному Музею свободного насилия и насильственной свободы имени императора Григория V для приобретения музеем новых экспонатов в коллекцию, посвященную гуманитарным войнам Срединной империи в XXI веке.

ПРИКАЗ № 3

Его Императорского Величества
Александра IV

«О ВВЕДЕНИИ ЛИМИТА НА СВОБОДУ МЫСЛИ И СЛОВА ДЛЯ РЯДОВЫХ ГРАЖДАН СРЕДИННОЙ ИМПЕРИИ»

Во имя обеспечения стабильности и порядка нашего государства Мы, Император Александр IV, приказываем ввести лимит на свободу слова и мысли для каждого рядового гражданина Срединной империи.

Лицо, обладающее большим коэффициентом общественной пользы, наделяется правом на критику общественных порядков. Одно общественно полезное дело даёт человеку право на приобретение жетона, позволяющего один раз высказать неодобрение существующего строя.

В случае, если критика будет признана конструктивной, человеку выдаются дополнительные жетоны. В противоположном случае человек жетона лишается.

Для высказывания критики учреждаются специальные помещения, в которых круглосуточно ведётся видеозапись всего в них происходящего. Любой желающий может по предъявлению жетона пройти туда и в течение 30 минут в специальной кабинке высказывать свои суждения.

Критиковать существующий строй и порядки за пределами домов критики запрещается под угрозой гражданской казни.

На Царскую семью, августейший двор и привилегированные слои населения Срединной империи (агентов Ареопага, рабочий персонал Хрустального дворца и прочих приближенных к высочайшему престолу граждан) данный Приказ не распространяется.

ЭПИЛОГ

(Из записок Андрея Рублёва)

Я вспоминаю...

Снова и снова привожу я в движение проржавевший маятник воспоминания – и снова он рассекает холодные, нежилые сумерки прошлого... Меня тянет в прошлое, и вновь я вхожу в его неуютный полумрак, не зная, что скрывается за масками людей, виденных мной когда-то.

Но я иду к ним, чтобы сквозь них лучше увидеть настоящее. Маятнику нужен размах, и моя мысль летает от прошлого – к будущему и обратно, совершая вечное движение, вечную неодошевленную *маяту*...

И это – моя работа.

Это – жизнь.

Жизнь состоит из наших воспоминаний и предчувствий. Настоящее мельком затрагивает нас – оно летит, и стоит нам подумать о нём, как оно сразу становится прошлым... И всю жизнь мы живём, думая о том, чего уже нет или ещё нет. И ждём момента, когда прошлое и будущее восторжествуют над настоящим.

А настоящее моё безотрадно. Правда, мои мытарства в Хрустальном дворце закончились. Я ушёл из того мира, в котором пережил столько испытаний и который оказался для меня адом. Через некоторое время мне предстояло родиться и начать новую жизнь на Земле.

Для меня было сделано исключение – живя на Земле, я, в отличие от большинства землян, помнил о том, что со мной произошло в аду. По неопытности я не раз пытался рассказать об этом

людям, а они – такие вот дела – не всегда имели желание меня слушать. Мои надежда и нетерпение подвели меня. В результате я оказался там, где сейчас пишу эти строки, – в изоляторе № 3 Острожской клинической психиатрической больницы. Надеюсь, что скоро меня выпустят на свободу и я смогу продолжить свою проповедь.

Завершая свои записки, я хочу пожелать будущим читателям (а их будет много, я уверен!) не делать ошибок, допущенных мной в прежней жизни, и прежде всего – почаще заглядывать в те сердечные пещеры, о которых говорит эпиграф к моим запискам. И – никогда, ради Бога, не позволять никому совершать над собой неоправданные эксперименты. Какими бы великими они не казались.